

Перст Судьбы

Эсмиль

Алина Углицкая

18+

Перст судьбы

Алина Углицкая

Перст судьбы. Эсмиль

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Углицкая А.

Перст судьбы. Эсмиль / А. Углицкая — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Перст судьбы)

ISBN 978-5-532-97855-3

Из мраморного дворца — в грязный трактир, из тела изнеженной аристократки — в тело невольницы. Теперь она собственность грубого варвара, и ее единственное предназначение — утолять его похоть. Вот только гордый дух не так-то просто сломить. Пусть боги ведут свои грязные игры, она не станет ждать от них милости. Пусть этот мужчина смотрит на нее, как на вещь — она докажет, что стоит большего. Ее тело станет оружием, любовь — наваждением, слабость — силою. Ее цель — его сердце, она сумеет его приручить!

ISBN 978-5-532-97855-3

© Углицкая А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	35
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алина Углицкая

Перст судьбы. Эсмиль

Пролог

Далеко в небесных чертогах обитают боги. Играют маленьким миром, расположенным у подножия своих тронов. Вглядываются в судьбы смертных, переплетая их по собственной прихоти, бросают кости и передвигают живые фигурки по клеткам игровой доски. Наблюдают за своими адептами, снисходительно принимают их молитвы и подношения. Тысячелетиями курится фимиам и струится амброзия, наполняя хрустальные бокалы богов...

– Это все слишком предсказуемо, – великая богиня Бенгет Всеблагая откинулась от игрового стола на спинку кресла. Ее подданные исправно строили храмы, приносили жертвы и регулярно обращались с просьбами. – Надоело.

– Нашли какой-нибудь катаклизм, – равнодушно пожал плечами Эрг Громовержец, – это их немного расшевелит.

– Нет, так глобально не хочу. У них тогда не останется времени для меня. Нужно придумать нечто локальное.

– Локальный катаклизм? – усмехнулся Эрг.

Бенгет с досадой глянула на него.

– Ты, как всегда, в своем репертуаре. Забыл, что прошлую партию выиграла я? И теперь ты мне должен желание.

– Да уж, такое забудешь! – проворчал бог войны и охоты. – Но ты играла нечестно. Ты дала своим амаркам главный козырь.

– Все честно. Нашими костями невозможно смухлевать, ты это знаешь. Мне выпало три шестерки, я была бы дурой, если бы не воспользовалась моментом. Так что, милый, отдавай должок, – она самодовольно ухмыльнулась, показав маленькие клыки.

– Я думаю, ты все-таки смухлевала, – Громовержец задумчиво погладил окладистую бороду, заплетенную в замысловатую косу. – Если бы не эта твоя привязка, Амарра так бы и осталась никому не известной провинцией, а ее женщины до сих пор были бы под пятой у своих мужей.

– Дорогой, – Бенгет кинула на мужа многозначительный взгляд, – ты ведешь себя как обиженный ребенок. Тебе прекрасно известны законы. Даже мы, боги, ничего не создаем на пустом месте. Всегда должен быть потенциал, и у моих амаррок он был. Да, я воспользовалась своим козырем и дала им в руки безграничную власть над мужчинами. Но посмотри, Амарра поднялась из пепла забвения, ее слава гремит по всем уголкам Южного континента, от одного имени императрицы Ауфелерии мужчин бросает в дрожь. Сколько армий разбили ее войска, набранные из преданных аскаров, сколько стран уже завоевали? Мои храмы множатся день ото дня, моих жриц становится все больше. По одному лишь слову своей хозяйки, рабы приносят себя в жертву на моих алтарях!

– А если забрать у них твой дар? – прервал Эрг жену, которая с воодушевлением и фанатичным блеском в глазах вещала о своих любимых адептках. – Что тогда останется? Как они смогут удержать своих мужчин, которых давно превратили в бессловесный скот и лишили права голоса?

– Да любая женщина способна подчинить себе мужчину! И не важно, с божественным вмешательством или нет. А вот мужчине как раз практически невозможно подчинить женщину, если она сама этого не захочет.

– И каким же это образом?

Бенгет с превосходством усмехнулась. Мужчины! Что смертные, что боги – самоуверенные, напыщенные индюки, уверенные в своей неотразимости. Они любят глупых и слабых женщин лишь потому, что на их фоне чувствуют себя умнее и сильнее. Но еще никто не отменял главный козырь, который прячет в своем рукаве каждая женщина.

– Любовью, дорогой, только любовью. Или ты забыл, как сам купился на мои сладкие речи и роскошное тело? – и она многозначительно провела руками по своей груди, не отрывая от мужа призывного взгляда, а потом облизнула губы, показав кончик розового языка.

– И чего же ты хочешь? – нахмурился Эрг, с досадой чувствуя на себе действие женских чар. Божественная сущность – божественной сущностью, но Бенгет права, редко какой мужчина хладнокровно пройдет мимо призывно расставленных женских ножек.

– Хочу доказать тебе, что я права. Для этого мне нужна одна из твоих фигур. Тем более, ты должен мне желание, пусть это оно и будет.

Громовержец сдвинул брови, переваривая услышанное.

– Какую фигуру тебе отдать? – нехотя спросил он.

– Не переживай, я не посягаю на твоих королей, – Бенгет с предвкушением потерла ладони, по которым змеилась татуировка ярко-красного цвета.

– А что тогда?

– Предлагаю обмен! Отдаю свою хозяйку в обмен на твою рабу.

– Меняешь хозяйку на рабу? – бог войны задумчиво поскреб подбородок. – И что это мне докажет?

– Увидишь! Обещаю, будет очень интересно.

– Значит, новый спор?

– Пусть будет так.

– И что же получает победитель?

– Территорию проигравшего!

Это была очень серьезная ставка. Эрг на мгновение задумался, просчитывая варианты. Проигрыш означал потерю Северного континента, которым бог войны и охоты безраздельно владел уже несколько тысяч лет, но если проиграет Бенгет...

Громовержец незаметно усмехнулся в бороду. Если проиграет Бенгет, то можно будет хорошо повеселиться, отдавая ее заносчивых амаррок на потеху их бывшим рабам!

Он медленно кивнул, принимая желание соперницы. Та протянула над игровой доской тонкую холеную руку и шевельнула пальцами. И тут же над двумя фигурками, расположенными в разных концах, показалась легкая дымка. Два еле видимых золотистых луча вспыхнули над доской, сходясь дугой в ее центре, столкнулись, рассыпаясь снопом разноцветных искр, и пропали, будто их никогда и не было.

– Подожди! Разве это обмен? – спохватился Эрг, подаваясь вперед. – В правилах сказано только про полное перемещение!

– Ты плохо читал, – ухмыльнулась Бенгет, – перемещение душ не запрещено, значит, все законно.

Она окинула хищным взглядом свои фигурки. Кажется, этот ход заставил их немного зашевелиться. Потом посмотрела на фигурки соперника. Там брожение было более явным.

– Так, и кого же ты мне подсунула? – Эрг пошевелил пальцами над доской, вглядываясь в нити судьбы.

– Вот, сейчас мы это узнаем!

Глава 1

– Вставай, сестричка, хватит спать! – Аини с разбегу запрыгнула на кровать и помахала какой-то бумажкой перед носом у старшей сестры. – Нальсаринский аукцион выставляет на торги новых танов! Ты же хотела поучаствовать в Играх?

Эсмиль сладко потянулась, с удовольствием вспоминая прошедшую ночь. С тех пор, как она отметила совершеннолетие и получила статус наследницы Дома Маренкеш, ее постель ни разу не пустовала. Самые лучшие наложники согревали ее по ночам, выполняя малейшие пожелания. Вот и в этот раз два антийских раба трудились несколько часов, раз за разом доводя до оргазма свою госпожу, причем не только с помощью того, чем их оснастила природа. Она отослала наложников почти на рассвете и забылась глубоким сном на смятой постели. До сих пор в расслабленных мышцах девушки ощущались отголоски пережитого наслаждения, а перед внутренним взором стояли мускулистые мужские тела, блестящие то ли от пота, то ли от масла.

Слегка расфокусированный взгляд Эсмиль скользнул по взволнованному личику Аини. Та все еще не могла отдышаться от быстрого бега.

– Что ты кричишь? – лениво переспросила девушка, с трудом сосредоточившись на разговоре.

– Ты глухая? Или еще не проснулась? – Аини демонстративно надула губы. – Сегодня в аукционном доме Нальсарин пройдут еженедельные торги. Мы можем съездить и присмотреть парочку танов к будущим Тан-Траши! Вот официальное приглашение! – она снова помахала бумажкой.

Это была интересная новость. Достаточно интересная, чтобы наследница одного из богатейших родов Амарры прониклась любопытством. Взяв послание из рук сестры, Эсмиль убедилась, что это официальное приглашение на еженедельные торги от самого престижного аукционного дома в столице. На розовой гербовой бумаге со всеми необходимыми подписями и печатями находился список представленных лотов, и отдельной строкой действительно шли несколько танов, не поддающихся «привязке» мужчин. Обычно, это были военнопленные из северных королевств, ибо только они обладали настолько сильной волей, что ее не могли сломать жрицы Бенгет.

– Слушай, а тебе-то какой интерес? – поинтересовалась Эсмиль.

– Ты что-о! – девочка в изумлении уставилась на сестру – До Игр осталось всего пару месяцев! Я хочу, чтобы наш Дом занял первое место. Почему мы никогда не участвуем в Тан-Траши, а если участвуем, то вылетаем в первом же туре? Нам нужно купить пару диких, необузданных танов, лучше свеженьких, прямо с передовой. Видела, как они дерутся? Как сумасшедшие! Прямо зубами вырывают плотки врагам! – Аини от восхищения закатила глаза.

Старшая из сестер расхохоталась:

– Аини, успокойся. Если хочешь, мы поедem на торги, но я не уверена, что нам нужен "дикий, необузданный тан". Давай лучше купим парочку смирных красавцев для твоего будущего гарема. Или ты хочешь отдать невинность своему жениху?

– Ну, знаешь! – младшая сестренка с напускным негодованием швырнула подушкой в лицо Эсмиль.

Та лишь беззлобно улыбнулась:

– Не нервничай. Мама же обещала, что я выйду замуж первой, так что это мне нужно беспокоиться о женихах.

– Но уж точно не о невинности! – пропела Аини, носком ноги подцепляя с пола набедренную повязку, забытую кем-то из наложников.

– Ты права. С этим мелким недостатком давно покончено.

Эсмиль с ленивой грацией выскользнула из-под шелковых простыней, ничуть не смущаясь своего обнаженного тела. Иссиня-черные волосы блестящей волной упали на точеные плечи, окутав изящную фигуру до самых колен. Холеная, фарфоровая кожа настоящей аристократки словно сияла изнутри, утонченные черты лица, полная грудь, тонкая талия и длинные ноги делали девушку необычайно привлекательной, а пухлые влажные губы и порочный взгляд из-под густых ресниц завораживали не только рабов, но и свободных мужчин. Эсмиль осознавала свою красоту и, не стесняясь, использовала ее в собственных целях.

Пройдя по мягкому аразийскому ковру, в котором ее ноги утопали по щиколотку, она остановилась у высокого зеркала в тяжелой позолоченной раме и с видимым удовлетворением взгляделась в свое отражение. Изящные ладони скользнули вдоль талии, погладили плоский живот, тронули розовые соски. Эсмиль слегка приподняла свою грудь, точно взвешивая, распрямила плечи и повернулась к зеркалу боком. Потом встала к нему спиной, перекинула длинные волосы на грудь и оглянулась через плечо на свое отражение. Упругие ягодицы и грациозный изгиб спины заставили ее удовлетворенно хмыкнуть. Наследница Дома Маренкеш считалась первой красавицей Амарры, и этот титул она никому не собиралась уступать.

– Так что там с аукционом? – проворчала Аини, наблюдая за сестрой. – Мне собираться?

Эсмиль поймала в зеркале ее взгляд, блеснувший скрытой завистью. Младшая сестренка не могла похвастать такими же роскошными формами – возраст не позволял. В свои тринадцать с половиной Аини была обычным подростком, худощавым и угловатым, с острыми коленками и вечно скачущим настроением. Единственное, что составляло сейчас ее гордость – это такая же роскошная грива волос, как у старшей сестры.

– Тебе так хочется поучаствовать в Играх? – Эсмиль вскинула одну бровь, изучающе глядя на собеседницу.

– Конечно! А тебе разве нет? – Аини возбужденно подскочила на кровати. – Если мы выиграем, я смогу утереть нос этим глупым курицам из Дома Зинтар!

– Ого, да у тебя свои планы, – девушка со снисходительной улыбкой покачала головой. – Думаю, эти таны стоят бешеных денег. Ты уверена, что мама одобрит?

– Ну, Эсмиль, ну, пожалуйста! Не будь жадиной, ты же знаешь, мама вернется еще не скоро, если мы будем ждать ее разрешения, то не успеем к началу Игр. А я так хочу, чтобы в этот раз наш Дом стал первым! – Аини прижала ладошки к худенькой груди и уставилась на сестру таким умоляющим взглядом, что та не выдержала и рассмеялась.

Усевшись на кровать рядом с девочкой, Эсмиль сдалась.

– Ладно, уговорила. Хоть и не вижу смысла в этих Тан-Траши, но на аукцион с тобой съезжу. Тем более, уже давно подумываю о пополнении своего гарема. Кто знает, а вдруг мне приглянется какой-нибудь симпатичный антиец.

– Эсмиль! Я тебя люблю! – радостно взвизгнув, Аини повисла на шее у сестры. – Но зачем тебе еще наложники? У тебя их и так пятнадцать!

– Вырастешь – узнаешь! И вообще, у нашей матери гарем на двести пятьдесят мест. Так что и мне есть, куда расти.

– Ой, ну ты же не думаешь, что она использует их всех? – смутилась девочка. – Да там больше половины только для престижа.

– Вот и мне надо для престижа, – ответила Эсмиль поучающим тоном. – Как наследница Старшей Матери Дома Маренкеш, я должна заботиться о внешних атрибутах власти, а количество гаремных рабов подчеркивает силу женщины и ее умение управлять мужчинами.

Не успела Эсмиль отвернуться, как Аини выскочила за порог, не забыв при этом пнуть юного раба, стоявшего на коленях возле дверей. Бедняга всего лишь ждал, когда хозяйка покинет спальню.

Заметив поступок сестры, девушка скептически хмыкнула, а затем поманила мальчика пальцем. Лирт осторожно приблизился, подползая на коленях, ведь хозяйка не давала приказа встать.

– Тебе больно? – поинтересовалась она.

– Нет, ясновельможная госпожа, – ребенок смущенно опустил взгляд. Нельзя смотреть в глаза хозяйке – это первое правило, которое он выучил в этом доме.

– Хорошо, я не хочу, чтобы мою собственность портили. Поэтому запрещаю кому бы то ни было трогать тебя, понял? Если еще раз увижу, что моя сестра коснулась тебя хоть пальцем, ты будешь наказан.

– Да, госпожа...

– А сейчас приступай к своим обязанностям. Потом передашь главному ансару, что сегодня я хочу видеть в своей спальне того здорового мернейца, которого купила на прошлой неделе. Забыла, как я его назвала?..

– Урхан, госпожа.

– Да, кажется, Урхан... В прошлый раз он оказался более чем хорош, хотя ему еще не хватает сноровки. И пусть ансары приготовят место еще одному наложнику, сегодня я привезу новую игрушку.

Она вышла, оставив мальчишку стоять на коленях. В хаммаме ее терпеливо ждали несколько личных рабов, готовых служить своей госпоже: омыть ее тело, удалить лишние волосы, нанести макияж, уложить роскошные косы в причудливую прическу. Отдав себя в их умелые руки, девушка задумалась над словами сестры.

Знаменитые Амаррские Игры танов были не за горами.

* * *

Спустя пару часов шестеро мускулистых рабов опустили у входа в аукционный дом роскошный паланкин. Первой наружу выпорхнула Аини, за ней показалась Эсмиль. Старшая из девушек окинула беломраморный фасад взглядом царствующей королевы. К ней навстречу тут же метнулся управитель. Кланяясь и постоянно бормоча хвалебные оды, он взял плату за участие в торгах и сопроводил новоприбывших на законные места.

В торговом зале покупательницы уже рассаживались в широкие кресла, обитые малиновым бархатом. У ног своих хозяек на специальных ковриках устраивались сопровождавшие их мужья или сыновья. Рабам вход в зал был разрешен разве что в виде очередного лота.

В этот раз посетителей оказалось больше, чем обычно, поскольку в приглашении значилось, что прибыла очередная партия элитных рабов из лучшего питомника Амарры.

Места в первых рядах заняли близкие родственницы императрицы. Негромко переговариваясь, они обсуждали достоинства и недостатки выставленных на продажу рабов. Им, как особо привилегированным, было дозволено увидеть товар еще до начала аукциона. Сидевшие рядом с ними дамы чутко прислушивались, желая уловить каждое слово, ведь кроме скупой информации на официальном приглашении они больше ничего не знали.

Наконец, ведущая аукциона ударила в медный гонг, громким звуком привлекая к себе внимание присутствующих.

– Именем великой императрицы Амарры, прекрасноокой Ауфелерии, – произнесла она, после того как в зале воцарилась тишина, – объявляю очередные торги открытыми. Ясновельможные дамы, прошу вас соблюдать правила и порядок проведения аукциона. Все ваши покупки мы обязуемся доставить в кратчайшие сроки. Гарантия распространяется только на элитных рабов с сертификатом качества. Стоимость доставки входит в начальную цену раба. Если у вас возникнут затруднения, наши управители с удовольствием их решат.

В полумраке огромного зала, где ярко освещенной оставалась лишь сцена, Эсмиль и ее сестра уселись в широкие кресла с резными подлокотниками. Сопровождавшие их рабы отправились вместе с другими в специальный барак, где могли выпить воды и отдохнуть в холодке, ожидая окончания торгов.

Ведущая аукциона назвала номер первого лота, и на сцену вывели молодого раба. Совсем юный, лет семнадцать, не больше. Тоненький, будто тростинка, и смазливый, как девушка. Отсутствие кандалов говорило о смирном и послушном характере, а золотая цепь на шее, вместо железного ошейника, указывала на то, что этот раб является элитным. Таких, как он, с рождения выращивали в закрытых питомниках, где-то в глубокой провинции.

В доме Эсмиль уже было несколько подобных экземпляров, мать постаралась, чтобы у любимой дочери всегда царил порядок: главный управитель дома, а также ансары в ее маленьком гареме были из элитных питомников, и верность своей хозяйке текла у них в крови, вбитая туда годами обучения и тренировок. Поэтому девушка лишь недовольно сморщила носик, рассматривая это трепетное чудо на сцене. Тем более, ее привлекали мужчины совсем другого типа.

Какая-то пухлая дама, обмахивающая веером густо напудренное лицо, купила парня за четыреста скерциев, заплатив цену в четыре раза больше начальной. Бедняге тут же, при всех, поставили клеймо на правую руку специальной печатью, которую его новая хозяйка передала управителю.

Такие печати изготавливались из особого сплава и обрабатывались специальным раствором: при соприкосновении с кожей он действовал как кислота, выжигая на теле несмываемое клеймо. Правда, при перепродаже старое клеймо снимали вместе со слоем кожи, оставляя безобразный шрам. Цена невольника падала, его ступенька в иерархии рабов тоже, поэтому, проданные раз, элитники старались служить своим господам со всей преданностью. И очень часто именно благодаря им преумножалось богатство Дома, или хозяйка получала повышение по императорской службе.

Следующим лотом оказались два брата-близнеца, тоже из элитников. Набедренные повязки не скрывали ни хрупкого телосложения, ни отсутствия волосяного покрова, говоря о том, что этих мальчишек готовили в наложники. Длинные золотистые волосы легкими волнами ложились на худенькие плечи, делая братьев похожими на ангелочков, но в полускрытых за густыми ресницами глазах уже сверкал порочный огонь. Эти мальчишки прошли особое обучение и знали тысячу и один способ, как доставить удовольствие той, что их купит.

Этих забрали очень быстро после яростных торгов, взвинтивших цену в десять раз. Лоты назывались один за другим, на сцену выходили субтильные юноши с мечтательным взглядом, темнокожие мускулистые парни, мужчины постарше... Одних украшали только золотые ошейники, у других железные обручи сдавливали шею, у самых дешевых, перепродающихся уже не раз, были даже наручники. Таких, обычно, покупали для жертвоприношения богине-матери или для работы в шахтах и рудниках.

Если рабы выбирались в гарем, то по желанию покупательницы им приказывали полностью раздеться. Заинтересованные дамы могли рассмотреть "рабочий инструмент" будущего наложника, пощупать, проверить на возбудимость. В сертификате качества указывалось даже максимальное количество половых актов, которые этот раб мог совершить в течение одной ночи.

Наконец, ведущая объявила перерыв, сказав, что после него сиятельным господам будут представлены самые лучшие таны, привезенные в столицу именно по случаю будущих Игр. А пока, продолжила она, Дом Зинтар предлагает купить одного из своих рабов... Для жертвоприношения в храме.

Эсмиль уже собралась уходить, ведь перерыв обычно длился не менее получаса, и сидеть все это время в душном зале было бы нелепо. Но внутренний голос заставил ее задержаться.

Случайный взгляд, брошенный в сторону сцены – и девушка снова упала в кресло. И было от чего.

Два могучих бритоголовых мернейца выволокли на сцену темноволосого мужчину, скованного цепями по рукам и ногам. На нем не было даже набедренной повязки, а все тело носило на себе следы жестоких побоев. Рассеченная кожа кровоточила, по всему телу змеились следы от хлыстов, на груди и спине виднелись незажившие порезы, багровые рубцы и старые шрамы, уже побелевшие, но от этого не менее безобразные. Несчастный выглядел так, словно его пытались нарезать на ремни.

Помощники ведущей с силой заставили его разогнуться и приковали к стене позади сцены, где именно для таких случаев были вбиты железные кольца. Голова мужчины безвольно упала на грудь, спутанные черные волосы закрыли лицо, не давая его рассмотреть.

Эсмиль возбужденно подалась вперед. Этот мужчина был сильно избит, измочален, он почти превратился в кровавое месиво, но при этом от него исходила такая сила, что у девушки внутри что-то сладко зануло.

Почему с ним обошлись так жестоко? Она недоумевала, разглядывая его. Даже диких, непокорных танов подлечивают перед продажей, а ведь всем известно, как их ломают, потому что они не поддаются «привязке». Особо строптивых даже поят некой настойкой, притупляющей разум. Кому же нужен непокорный раб? А этого будто нарочно избили перед выходом на сцену. Словно бывшая хозяйка хотела всем показать его никчемность и своенравие.

– Лот номер сорок шесть, – объявила ведущая, в очередной раз ударив молоточком, ибо появление этого невольника вызвало волну приглушенного шума в зрительских рядах. – Двадцать восемь лет. Был взят в плен четыре года назад при осаде Рахстера, бывший центурион Левантийского войска. Дом Зинтар предлагает использовать его для жертвоприношения. Стартовая цена один степций! – и она снова ударила по медной тарелочке.

– Один степций? – выкрикнула какая-то дама в первых рядах. – Воистину, Бенгет еще не получала жертвы дешевле, чем эта!

Зал содрогнулся от женского хохота. Несчастному крупно не повезло: он был военнопленным, да еще и бывшим центурионом вражеской армии. Хотя ни ее, ни государства, которое эта армия защищала, несколько лет уже не существовало на картах этого мира.

Раба ждало только одно: жертвенный нож старшей жрицы богини-матери. Сейчас его купят, обрядят в черные одежды, возведут на крышу главного храма столицы, где веками стоит засохший от крови алтарь, а там закутанная в красную мантию жрица вскроет ему вены, вырежет сердце из груди и швырнет его под ноги вопящей в экстазе толпе. Его кровь, всю, до последней капли, соберут в золотую чашу, чтобы пролить на пьедестал каменной богини, которой подвластна и жизнь, и смерть, и сама свобода воли. А мертвое тело уволокут рабы во двор храма и сбросят через решетку в глубокую яму, где по преданию обитает страшное чудовище, испускающее огонь. Говорят, этот храмовый монстр уже не одну сотню лет питается жертвами, принесенными на алтарь кровавой богини...

– Сто скерциев! – сама того не ожидая, вдруг выкрикнула Эсмиль, когда до нее дошло, что женщины, хохоча и перебрасываясь скабрёзными шуточками, взвинтили цену до восьми-десяти дискерциев.

– Ты что творишь! – зашипела Аини ей в ухо. – Посмотри на него, он же смертник! Зачем он нам?!

– Принесу в жертву! – девушка отмахнулась от перепуганной сестры, с жадностью внимая голосу ведущей. – Попрошу Бенгет даровать нам победу в Тан-Траши.

– Ну, тогда заодно попроси, чтобы мать тебе простила это самоуправство!

– Юная наследница Дома Маренкеш предложила небывалую цену за непокорного раба! – ведущая ударила в гонг. – Кто предложит больше?

– Эсмиль! – знакомый голос заставил девушку приподняться. – Никак решила подобрать это отребье? Хочу предупредить, подруга, после меня он уже ни на что не годен. Разве что на алтарь.

Девушка огляделась, ища взглядом обладательницу этого голоса. Та оказалась прямо за ней, только через два ряда. Настоящая амазонка, с развитой мускулатурой воина: высокая, смуглая, с коротко стриженными волосами, да к тому же в доспехах легиты – командующей имперскими войсками. По тонким губам женщины змеилась ядовитая усмешка, а в глазах сверкало еле сдерживаемое бешенство.

– Ульнара? – брови Эсмиль недоуменно приподнялись. Вот уж не ожидала она встретить здесь Старшую Мать Дома Зинтар. – Что с этим рабом не так? Почему он в таком состоянии? – она кивнула на сцену.

Но легита пропустила ее вопрос мимо ушей.

– Не жалко денег? – рот Ульнары скривился в жесткой усмешке, не предвещавшей ничего хорошего. – Смотри, потратишь их впустую. Хочу тебя предупредить: он давно уже ни на что не способен ни как мужчина, ни как воин. Потому и отдаю практически даром. Никчемный, бесполезный кусок мяса! Годный только в корм!

Она даже не пыталась скрыть ненависть, сквозившую в ее взгляде, когда ее глаза обращались к несчастному. Эсмиль нахмурилась, ощутив смутное подозрение, но голос ведущей заставил ее молча обернуться к сцене.

– Сто скерциев раз! Сто скерциев два! Сто скерциев три! Продано! Лот номер сорок шесть купила наследница Дома Маренкеш за сто скерциев.

Да, теперь он собственность Дома Маренкеш. Теперь у него новая хозяйка, которая поставит свое клеймо и даст новое имя. Или его так и потащат на алтарь безымянным? Зачем имя тому, кто уже почти труп?

Цепи сняли с колец, и бывший центурион упал на колени, как подкошенный. Охранники, вытащившие его на сцену, теперь собирались уволочь невольника в подсобное помещение, но перед этим нужно было поставить печать.

Один из управителей приблизился к Эсмиль, но девушка лишь покачала головой.

– Я хочу сначала провести обряд «привязки», – сказала она.

– Ясновельможная госпожа, простите никчемного раба, но правила аукциона запрещают выводить собственность без хозяйской печати.

– Тогда, отведите его в отдельную комнату и пригласите лекаря. Я не хочу, чтобы он умер с моей печатью, это плохо отразится на моей репутации.

– Хорошо, госпожа, сейчас все организуем.

Управитель подал знак мернейцам, те подхватили несчастного под руки и буквально снесли по ступенькам вниз. Идти самостоятельно мужчина был уже не в силах.

Его затащили в небольшую комнатку позади сцены, всю меблировку которой составлял бурый от крови топчан и грязный стол, заваленный обрывками бинтов. Именно здесь местный лекарь проводил операции по удалению старого клейма.

Раба грубо швырнули на топчан. Лекарь – старый и седой, с длинными паучьими пальцами – дернул мужчину за волосы, заставляя задрать голову, оттянул веко, заглянул в рот, зачем-то потыкал пальцем язык и тяжело вздохнул. Легче воскресить мертвого, чем сделать так, чтоб этот дожил до обряда «привязки». Если он помрет прямо здесь, это будет большой позор для аукционного дома. Старшая Мать Нальсарин никому не простит порчу своей репутации, виновников запорют насмерть!

Немного подумав, лекарь достал из чемоданчика маленький узелок с белым порошком. Харшиз был сильнейшим обезболивающим, но вместе с тем и галлюциногеном, вызывающим быстрое привыкание, поэтому его использовали только в самых редких случаях, например, во время операций или чтобы облегчить женщине роды. Старик отсыпал нужную дозу порошка

в мерную ложечку, расколотил его в стакане мутной воды и жестом указал охранникам, что делать дальше. Мернейцы тут же разложили бывшего центуриона на топчане. Один навалился всем телом, ломая малейшее сопротивление, другой взял со стола металлическую воронку и втиснул ее пленнику между плотно сжатых зубов. Лекарь быстро влил в воронку свое снадобье.

Несколько минут ничего не происходило, но вот мужчина надсадно закашлял, содрогаясь всем телом, его веки с трудом поднялись, глаза постепенно начали принимать осмысленное выражение. Боль от побоев растворилась в наркотической эйфории, но разум оставался ясным. В одно мгновение левантиец оценил обстановку и весь подобрался, ожидая нападения.

Дверь комнатки приоткрылась, пропуская управителя и новую хозяйку.

– Снимите с него цепи, – приказала девушка, невольно сморщив носик при виде своей новой покупки. – Я хочу провести обряд прямо здесь, подготовьте все необходимое. Если он выживет после этого, то я позволю поставить ему печать моего Дома.

Управителю не оставалось ничего другого, как исполнить волю ясновельможной госпожи. Иначе, если пленник загнется прямо здесь, хозяйка аукциона спросит уже с него самого.

Через пять минут было все готово: золотая чаша, уменьшенная копия той, что хранилась в главном храме, обсидиановый нож и переносной алтарь.

Пришла жрица, закутанная с ног до головы в красную мантию так, что лишь узкие миндалевидные глаза были видны в разрезе покрывала. Невольника с силой удерживали на топчане, пока она читала воззвание к Бенгет на мертвом языке, на котором, по легенде, говорили сами боги. Одним точным ударом кинжала жрица рассекла кожу на его груди, как раз напротив сердца. Остро отточенное лезвие легко вспороло человеческую плоть – и в чашу закапали тяжелые темно-красные капли. Ритуальный кинжал был особым, в каждом уважающем себя Доме имелись такие: намоленное лезвие, посвященное богине, не оставляло после себя шрамов, поскольку было пропитано неким составом, секрет которого знали только жрицы Бенгет.

Затем, представительница кровавой богини повернулась к Эсмиль. Девушка взяла в руки протянутую чашу и, ничуть не поморщившись, пригубила ее содержимое. Под заунывное песнопение жрицы, Эсмиль подалась к невольнику и, глядя в его глаза, с трудом открывавшиеся на заплывшем от побоев лице, произнесла кодовые слова, завершающие ритуал "привязки":

– Мой Дом – Дом Маренкеш, твой Дом – Дом Маренкеш. Именем Бенгет Всеблагой, Матери сущего, Пожирательницы вечности, я связываю тебя – твоё тело и душу, твои помыслы и желания, твою жизнь и смерть, твою волю и неволю – отныне и до тех пор, пока сама не отпущу в царство мертвых. И с этой минуты нарекаю тебя Зирван!

В черных глазах раба сверкнуло осмысленное выражение. Эсмиль приняла его за добрый знак и щедро расплатилась со жрицей. Та благословила наследницу знатного Дома и удалилась, похожая на мумию в своих ритуальных одеждах.

– Опустись на колени, раб, и поприветствуй свою новую хозяйку, – напыщенно произнес управитель. – Теперь твоё жизнь и смерть принадлежат Дому Маренкеш!

"Лот номер сорок шесть" хрипло рассмеялся, без малейшего намека на покорность. С видимым усилием он приподнялся на топчане и сел, не сводя с девушки тяжелого звериного взгляда.

Эсмиль недовольно нахмурилась. Такого просто не могло быть! Прошедшие «привязку» мужчины становились преданными и покорными, ловящими каждый взгляд своей хозяйки, реагирующими на малейшее изменение её настроения. А этот смотрел на неё с таким выражением, точно это и не его только что «привязали» к новому Дому!

– По какой причине Ульнара Зинтар выставила тебя на торги? – спросила она, глядя на невольника испытывающим взглядом.

Мужчина даже не шевельнулся, продолжая молча подпирать стенку.

– Отвечай, раб! – прикрикнул управитель, но тот даже бровью не повел.

Эсмиль не хотелось устраивать показательное выступление на глазах у чужих рабов. Еще не хватало, чтобы эти шакалы разнесли по всей Амарре, что наследница Маренкеш не справляется со своими невольниками! Пришлось пойти на риск, приказать управителю выйти и забрать охрану с собой.

– Вы уверены, госпожа? – тот с сомнением оглядел "лот номер сорок шесть". – Он не выглядит безопасным.

– Ты сомневаешься во мне? – Эсмиль вскинула тонкую бровь, поигрывая хлыстом.

– Нет, госпожа, что вы! Простите ничтожного раба, – с этими словами управитель отвесил несколько поклонов, угодливо сгибая спину чуть ли не до земли, и, пятась, выскользнул за двери. Следом за ним, раскланявшись, удалились и мернейцы.

– Теперь, когда мы остались одни, – начала девушка задумчивым тоном, приближаясь вплотную к своей покупке, – нам придется повторить обряд. Наверное, присутствие посторонних сбilo "привязку".

Сидя, он был почти одного с ней роста, так что не пришлось даже нагибаться. Эсмиль с присущей ей самоуверенностью сжала ладонями виски непокорного раба, заставляя его поднять голову. Не отрывая пристального взгляда от его глаз, она жестко повторила:

– Мой Дом – Дом Маренкеш, твой Дом – Дом Маренкеш. Именем Бенгет Всеблагой, Матери сущего, Пожирательницы вечности, я связываю тебя – твоё тело и душу, твои помыслы и желания, твою жизнь и смерть, твою волю и неволю – отныне и до тех пор, пока сама не отпущу в царство мертвых. И с этой минуты нарекаю тебя Зирван!

Чувственный рот мужчины скривился в ироничной усмешке. Эта же усмешка вспыхнула и во взгляде, который он даже не пытался отвести, нахально рассматривая покрасневшее от гнева личико девушки. Наркотический порошок действовал всюду, заставляя раба потерять малейший страх.

Мужчина медленно встал, возвышаясь над девушкой на целых две головы. Оперся спиной о стену, чтобы придать себе устойчивости, и вдруг произнес издевательским тоном:

– Думаю, моя госпожа меня извинит. Я свободный человек, и зовут меня Эйхард орн Дриз.

– Ничтожный червь! – взорвалась Эсмиль, вскидывая руку для удара, но ее новая игрушка не желала покорно ждать наказания.

Даже не дрогнув, раб перехватил ее запястье и сжал его жесткими пальцами. В одно мгновение девушка оказалась прижатой к сильному мужскому телу.

Еще ни разу за всю ее недолгую жизнь ни один мужчина не позволял себе так обращаться с ней. Имея дело лишь с покорными рабами или «привязанными» аскарами, Эсмиль и представить себе не могла, что мужчина может представлять собой опасность. Мужчина, в глазах которого пылает ненависть ко всему женскому роду.

Теперь уже он был хозяином положения, с силой удерживая ошеломленную девушку. Запустив руку в ее роскошные волосы, он резко дернул за них, приближая ее побледневшее лицо к своему, шумно втягивая ее запах, и с лютой ненавистью произнес:

– Тебе нужно было принести меня в жертву, пока была такая возможность. У меня иммунитет на вашу «привязку», так что вряд ли я стану хорошим рабом!

Его лицо внезапно оказалось в опасной близости от лица Эсмиль. Ошеломленная девушка не успела среагировать, а мужчина уже с рычанием впился в ее пухлые губы, сминая сопротивление.

Впервые в жизни мужчина посягнул на нее. Ситуация была настолько абсурдной, что Эсмиль растерялась. Она уперлась руками в грудь раба, позабыв про кнут, болтавшийся на поясе, и дернула головой, пытаясь разорвать поцелуй. Мужчина ослабил хватку, резко отталивая ее от себя, и девушка с глухим стоном впечаталась в стену.

Острая боль взорвалась в ее голове, в глазах потемнело. Соблазнительное тело аристократки безвольным кулем свалилось под ноги рабу, и последнее, что амаррская госпожа увидела, перед тем, как сознание покинуло ее, были полные ненависти черные глаза левантийца...

Глава 2

"О, Бенгет, почему мне так плохо?" – было первой мыслью, промелькнувшей в голове Эсмиль, когда ее сознание начало выплывать из омута забытья.

Тело ломило так, будто она собственноручно рубила дрова для дворцовой кухни, но хуже всего было ощущение неведомого прежде дискомфорта между ног. Нежная плоть болезненно пульсировала, заставляя чувствовать каждую клеточку саднящей кожи и напряжение сведенных судорогой мышц.

Медленно возвращаясь в реальность, девушка недоумевала, почему все так болит? Что случилось? Кажется, презренный раб посмел ей перечить, но что произошло потом?

Тихонько постанывая, она попыталась повернуться на другой бок и устроиться поудобнее, но в тот же миг хлесткая пощечина обожгла ей щеку.

От неожиданности, Эсмиль подскочила на месте и распахнула глаза. Рука метнулась к горящей щеке, взгляд уперся в мужское лицо, нависшее прямо над ней.

Этот человек был ей незнаком, да к тому же – явно не раб. О последнем говорил его подбородок, заросший колючей щетиной, взлохмаченные черные волосы, неровными прядями рассыпавшиеся по могучим плечам, а главное, взгляд – холодный, изучающий, без тени покорности, присущей всем амаррским рабам без исключения. Под этим взглядом Эсмиль почувствовала, как ее охватывает неосознанная тревога.

Гордо вскинув подбородок, амаррка прищурилась и с едва сдерживаемой яростью прошипела:

– Ты кто такой и по какому праву...

Мужчина молча ухватил ее за подбородок и бесцеремонно повернул к тусклому свету, исходившему от масляной лампы. Насмотревшись на след от пощечины, он удовлетворенно кивнул и небрежно толкнул свою пленницу на кровать. Амаррка, онемев от неслышанной наглости, впиалась в его лицо угрожающим взглядом.

– Очнулась? – усмехнулся незнакомец, вальяжно откидываясь на соседнюю подушку. – Приведи себя в порядок и позаботься о вине. Я получил разрядку, а теперь хочу получить удовольствие.

Разрядку? Удовольствие?!

Эсмиль показалось, что она ослышалась.

Едва мужчина ее отпустил, как она вновь вскочила, буквально рыча от гнева. Ярость исказила личико девушки, сделав его похожим на гротескную маску.

– Да кто ты такой? – закричала она. – Что здесь происходит? Я требую объяснений!

Незнакомец недобро оскалился, откинул скомканное покрывало и одним движением пригвоздил пленницу к кровати, навалившись на нее всем весом. Девушка ожесточенно задержалась под тяжелым потным телом.

– Требовать и приказывать здесь имею право только я, – ухмыльнулся он в ее сжатые губы, – твое дело – подчиняться, рабыня!

Последнее слово заставило Эсмиль замереть, задохнувшись от возмущения. Незнакомец тут же воспользовался заминкой. Встал с кровати, схватил девушку за руку и грубо дернул на себя. Амаррка беспомощно охнула и упала на пол к его ногам.

Рожденная властвовать и повелевать, она терла ушибленное бедро, в растерянности взирая на обнаглевшего варвара, а тот в эту минуту скользил по ней снисходительным взглядом, в котором сквозил неприкрытый мужской интерес. Девушка шевельнулась, собираясь подняться, но тело тут же отозвалось тупой болью, в промежности опять засадило. Рука сама собой метнулась к месту дискомфорта. Опустив глаза, Эсмиль с недоумением уставилась на

испачканные кровью пальцы. Ее потемневший от боли взгляд изумленно метнулся за спину незнакомца, обшаривая окружающую обстановку. Внутри все похолодело.

Голая, избитая и, по всей видимости, изнасилованная, она находилась в крошечном незнакомом помещении, наедине с грубым самцом, и, похоже, спасения было ждать неоткуда. Обшарпанные стены комнатухи, старая мебель и разгромленная кровать наводили на мысли о третьесортном борделе. В нескольких шагах от кровати стояла глубокая деревянная лохань, наполненная мутной водой и хлопьями мыльной пены. На полу валялись мокрые тряпки, исполнявшие, по всей видимости, роль полотенец. Незнакомец, такой же голый, как и она сама, стоял над девушкой, расставив ноги и ничуть не смущаясь своей наготы. На его лице блуждало странное выражение: задумчивость, недовольство и какое-то внутреннее удовлетворение. Он смотрел на нее так, как еще недавно она сама смотрела на своих рабов, если они имели несчастье провиниться.

В голове Эсмиль мелькнула сумасшедшая мысль: "О, Бенгет Всеблагая! Неужели меня похитили?! Кто? Зачем? Это происки врагов Маренкеш, больше некому! И где я теперь? В борделе для моряков? Этот мужчина не похож на наших рабов..."

Девушке не раз приходилось слышать, что в портах Амарры есть рабыни для ублажения мужчин. Подданные императрицы говорили об этом с брезгливостью и досадой: истинные амаррки не могли понять, как женщина может опуститься до такой степени, чтобы позволить мужчине управлять собой. Впрочем, не стоило удивляться: все знали, что только Амарра получила благословение богини и избавилась от власти сильного пола. А что взять с этих северных варваров?! Неотесанных, грубых мужланов, которые кутаются в одежды из шкур, носят бороды и, о Бенгет, не удаляют волосы на теле!

Чужестранные рабыни содержались в специальных публичных домах и доставлялись из союзных королевств, с которыми торговала Амарра. Корабли с Северного континента везли их на Южный целыми сотнями. Многие из этих несчастных женщин задыхались в грязных трюмах во время морского перехода, другие умирали чуть позже от недоедания и болезней. Лишь единицы оставались достаточно крепкими и здоровыми, чтобы попасть в портовый бордель.

Так уж повелось, что Амарра активно торговала с Северным континентом, но дальше крепостных стен портового города гостей не выпускала. Вот и приходилось иностранным морякам искать развлечения недалеко от своего корабля. Зато, если одна из рабынь в борделе оказывалась в тягости, ее тут же забирали в специальный пансион, где она могла спокойно жить до родов. После этого императорские чиновники изымали дитя на благо Амарры, а мать возвращалась назад в публичный дом. Многие из находящихся там рабынь в тайне мечтали забеременеть и хоть на несколько месяцев вырваться из этого ада.

И вот теперь Эсмиль на мгновение представила, что злой рок забросил ее в один из таких борделей. Девушка тут же ощутила, как по спине поползла удушающая волна гнева, смешанного со страхом.

– Кто ты? – повторила она, надеясь, что ее голос не дрогнул.

Первое правило истинной амаррки: никогда, ни при каких обстоятельствах, женщина не должна показывать слабость перед мужчиной. Обнаружить свою уязвимость перед неприятелем – все равно, что признать себя побежденным еще до объявления войны. А этот странный незнакомец был именно врагом!

Высокий, с развитой мускулатурой, с непривычной... По древней традиции Амарры все наложники избавлялись от растительности на теле, а волосы на голове, наоборот, отращивали, кто как мог. Толстая и длинная коса считалась одним из достоинств гаремного невольника. У этого мужчины все было не так: волосы на голове достаточно короткие, всего чуть ниже плеч – так в Амарре носили только ансары и рабы, – а вот густая растительность на груди делала его похожим на грязное, похотливое животное. Эсмиль невольно опустила глаза ниже. Даже в

расслабленном состоянии его плоть поражала воображение своими размерами, но густая темная поросль в паху вызвала у аристократки резкое отвращение.

Перехватив взгляд девушки, незнакомец самодовольно хмыкнул и вкрадчиво проговорил:

– Я заплатил твоему хозяину за всю ночь до рассвета. Так что у нас еще куча времени. Будь хорошей девочкой, приведи себя в порядок и принеси вина. Разве ты не видишь, как мой зверь хочет тебя?

Так это действительно бордель! Яркий румянец залил щеки наследницы высшего Дома, в глазах полыхнуло гневное пламя. Вскочив на ноги, она вскинула ладонь для удара, но мужчина остановил ее жестким захватом. Извернувшись змеей в его руках, она все же сумела хорошенько лягнуть это чудовище, а в следующий момент он уже бросил ее на кровать лицом вниз и сам навалился сверху.

Эсмиль сдавленно охнула, когда мужчина придавил ее собственным весом, заставив расплаться морской звездой. Тонкое обнаженное тело ужом вертелось под ним, пытаясь вырваться. Девушка яростно отбивалась, не понимая, что так еще больше распаляет насильника. Слишком уж она привыкла к беспрекословному подчинению своих рабов, слишком уж верила в то, что единственное предназначение мужчины – жить во имя женщины.

Сейчас она чувствовала, как этот странный мужчина с каждым ее движением возбуждался все больше. Его глаза зажглись азартом битвы. Желание сломить ее сопротивление, овладеть ее телом, наказать, приручить сделали его практически невменяемым. Так в самый разгар сражения воин впадает в безумие от запаха крови и уже не чувствует ран.

Стиснув зубы, Эсмиль бешено сопротивлялась, но мужчина не давал ей перевернуться. Он был намного сильнее ее физически и гораздо тяжелее. От его веса ей становилось трудно дышать, но она, как заведенная, продолжала ожесточенно отбиваться.

В какой-то момент варвар схватил девушку за бедра и резко дернул вверх, силой заставляя ее встать на колени. Одной рукой он вдавил ее голову в подушку, а другой скользнул между ног. Эсмиль злобно зашипела, почувствовав его пальцы у себя в промежности. Еще никогда ни один мужчина не обходился с ней так грубо!

Мужчина нажал ей на поясницу, заставляя прогнуться еще сильнее. Оттопыренная попа, бесстыдно выставленная напоказ, оказалась последней каплей. С низким звериным рыком он резко вонзился в тугое лоно, продолжая с силой вжимать лицо девушки в подушку. Вскрикнув от неожиданности и боли, амаррка сумела повернуть голову на бок. В уголках ее глаз показались злые слезы.

– Мерзавец! Шлюхин сын! – прошипела она сквозь зубы, вложив в слова всю ненависть, на которую только была способна. – Тебя казнят за это!

– Сомневаюсь, – усмехнулся насильник, делая особо сильный толчок. – Я же заплатил за твои услуги?

Пленница невольно выгнулась и застонала, мысленно призывая Бенгет. Странное дело, но теперь, когда он был в ней, такой большой и горячий, в ее теле начала зарождаться странная боль с оттенком удовольствия. Чем больше она сопротивлялась, тем сильнее оно становилось, накатывало волнами, отключая разум и пробуждая дикую звериную похоть. Неправильное, извращенное, противное ее воспитанию и природе, но такое тягучее и сладостное, что противостоять ему оказалось практически невозможно.

Мужчина не ждал, пока она привыкнет к его вторжению. Сильными грубыми толчками он начал входить в вожащенное тело. Закусив губу, Эсмиль под ним тихо стонала то ли от бессилия, то ли от злости. Но постепенно боль начала утихать, незаметно переходя в возбуждение. Амаррка боролась с собой, до крови кусая губы, но ни один наложник никогда еще не давал ей такого напора, такой наполненности, такого взрыва. Эсмиль стонала все громче, и вовсе не от боли. Внутри нее будто зарождалось новое солнце. Мужчина яростно вбивался в ее тело, брал,

покорял, присваивал. Его движения были полны первобытной похоти, лицо исказила гримаса безудержной страсти. Он не просил о милости, не ползал у ее ног, он пришел, как победитель, и просто взял то, что ему причитается.

Испепеляющий жар пронзил все существо Эсмиль, заставив ее громко закричать. Будто гигантская волна подняла ее над миром и тут же сбросила вниз. Вздрагивая от судорог оргазма, она почувствовала, как мужская плоть внутри нее превратилась в стальной стержень. В последний раз незнакомец вонзился в нее с грубой силой, крепко прижался бедрами и сдавленно застонал, откинув голову назад. Потом отпустил и рухнул рядом. Обессиленная от бешеного напора и яркого удовольствия, не желая верить в происходящее, Эсмиль попыталась отползти от него, но хищник тут же схватил свою жертву поперек талии и безапелляционным движением вдавил в свое тело.

– Спи, – пробормотал он сонно, – потом повторим.

Амаррка окинула его ненавидящим взглядом и прошипела:

– Ты даже не представляешь, что с тобой сделают за это! Ты даже не представляешь, кто я, грязный шакал!

– На эту ночь ты моя рабыня, – невозмутимо отрезал мужчина и добавил, сурово сдвинув брови: – Обычно я женщин не бью, но ты, похоже, нуждаешься в хорошей порке. Твой хозяин тебя распустил.

– Шлюхин сын! – Эсмиль изловчилась и плюнула ему в лицо.

И тут же сильнейшая пощечина буквально снесла ее с кровати. Девушка в одно мгновение слетела на пол, больно ударившись о некрашенные доски. Голова загудела, по скуле медленно разливалось онемение.

Будто не веря, ясновельможная госпожа и наследница Дома Маренкеш дотронулась пальцами до горячей щеки и уставилась на незнакомца ошарашенным взглядом. Тот спокойно стряхнул одеяло, укрылся и ровным голосом произнес:

– Раз тебе не ложится в кровати, будешь спать на полу. А утром я прикажу выдать тебе тридцать плетей за оскорбление благородного лэра.

С этими словами он спокойно развернулся и уже через пять минут захрапел.

Эсмиль осталась сидеть на полу, голая, избитая, изнасилованная, с застывшими в глазах слезами ненависти. Гнев и ярость клокотали в ее душе. Поднимавшийся от пола сквозняк заставил вздрогнуть всем телом. Какое-то украшение на шее мешало, вызывая желание почесаться. Девушка до боли стиснула зубы и огляделась. Все, чего ей сейчас хотелось, это убить мерзавца, пока он не проснулся и снова не набросился на нее.

Длинный меч в потертых ножнах привлек ее внимание. Встав на ноги, она похромала к колченомому стулу, на котором он лежал, и с недоумением уставилась на странные завитушки из черного серебра, украшавшие ножны. То, что это буквы, Эсмиль догадалась, вот только она, знавшая все языки Южного континента, так и не смогла прочесть эту надпись. Символы на ножнах были ей незнакомы.

Судя по всему, незнакомец прибыл издалека, с Северного материка, теперь девушка в этом не сомневалась. Чья-то злая воля свела их вместе в этом третьесортном борделе, где она, амаррская аристократка, вынуждена против воли удовлетворять его похоть. Едва сдерживая бушующую внутри ярость, Эсмиль протянула руку и крепко ухватила за рукоятку меча. Осторожно потянула, чутко прислушиваясь к ровному дыханию за спиной. Меч легко заскользил, появляясь из ножен.

– Не тяжело? – раздался почти над самым ухом насмешливый голос.

Девушка вздрогнула от неожиданности и застыла. Меч со звоном выпал из ее рук.

– Я не пойму, тебе жить надоело? – требовательно произнес мужчина, заставляя ее повернуться к нему лицом. – Знаешь, что бывает с рабыней за попытку покушения на лэра? Тебя же вздернут на главной площади этого городка и с живой спустят шкуру. Ты сумасшедшая?

– Это с тебя живьем спустят шкуру! – Эсмиль дернула плечом, вырываясь из мужских рук. К ненависти и злости добавилась досада на собственную глупость. – Я амаррская аристократка, меня обязательно будут искать, а когда найдут, я прикажу казнить всех, кто участвовал в этом фарсе!

Незнакомец окинул девушку непроницаемым взглядом и хмыкнул. Затем легко заломил ее руки за спину и толкнул на кровать. Ноги Эсмиль подломились. Она была всего лишь избалованной наследницей знатного Дома, привыкшей к мужскому поклонению и обожанию. И никогда ни один мужчина не смел даже косо смотреть в ее сторону. А сейчас она вдруг четко осознала, что этот странный незнакомец не похож на ее рабов, что он намного сильнее и опаснее даже самого опытного аскара, ведь аскар пусть и воин, но привязанный, преданный своей хозяйке всей душой. И что с этим мужчиной ей не справиться в одиночку.

Она уже не сопротивлялась, когда он заставил ее залезть на кровать. Сделав вид, что смирилась, Эсмиль обдумывала дальнейшую тактику. Выход был только один: дожидаться, пока незнакомец уснет, и попытаться найти хозяйку борделя. Как подданная Амарры, она будет обязана встать на защиту знатной госпожи, попавшей в беду.

– Надеюсь, ты успокоилась? – проворчал мужчина, разворачивая девушку к себе спиной и прижимаясь бедрами к ее обнаженной попке.

Эсмиль застыла, ощутив его твердое орудие, вполне готовое к бою.

– Ладно, – он зевнул, – два раза подряд для девственницы – это слишком. Подожду до утра. Надеюсь, утром ты будешь покладистее, чем сейчас.

Последние слова незнакомца заставили Эсмиль замереть. Девственница? Она? Девушка едва не расхохоталась злым, оскорбительным смехом. Кем-кем, а девственницей она уж точно быть не могла, по крайней мере, последние одиннадцать лет.

Сцепив зубы, чтобы не дай Бенгет не ляпнуть какую-нибудь гадость, девушка вывернула шею и уставилась в маленькое слюдяное окошко. За ним невозможно было ничего разобрать, кроме мутного пятна света. Судя по всему, это виднелся Сирин – ночное светило.

* * *

Когда мужчина, наконец-то, уснул по-настоящему, Эсмиль тихо высвободилась из его захвата, настороженно вздрагивая при каждом шорохе, сползла с кровати и растерянно огляделась в поисках одежды. Нужно было убираться отсюда, и как можно быстрее.

На полу у кровати она нашла полинявшую женскую рубашку и довольно широкую шаль. Кое-как натянула чужую одежду, постаравшись укрыть лицо, и выскользнула за порог. Полутемный коридор еле освещала одинокая масляная лампа на стене. Девушка замерла на секунду, осторожно прикрывая за собой дверь, и, почти на ощупь, двинулась вперед.

Амаррка уже поняла, что на улице царит глубокая ночь, но не это было самым странным. Что-то изменилось в окружающем мире, и дело было вовсе не в этом доме, куда она неизвестно как попала. Что-то незнакомое витало в воздухе, заставляя невольно вздрагивать. Холод?

Девушка передернула плечами, чувствуя непривычную прохладу. В Амарре были, конечно, похолодания во время сезонных дождей, но они все равно отдавали жаром пустыни. А здесь присутствовал совсем другой холод – острый, пронизывающий. Он проникал извне через неплотно подогнанные половицы, струился сквозь тонкие стекла темного окна, забирался под одежду и вызывал мелкую дрожь во всем теле. Эсмиль еще никогда не приходилось ощущать такого холода. Она плотнее закуталась в чужую шаль и, крадучись, продолжила свой путь.

Через несколько шагов коридор закончился узкой деревянной лестницей с потемневшими от времени ступенями. Снизу доносились приглушенные женские голоса, бряцанье посуды и умопомрачительный аромат готовящейся пищи. Девушка сглотнула голодную слюну. В животе некстати заурчало. Появилось непреодолимое желание сбежать по лестнице,

ворваться в незнакомое помещение и потребовать объяснений. Но недавний проигрыш заставил ее сдержать свой порыв.

Если это бордель, то ее просто скрутят и положат под очередного грязного мужлана. Нет, здесь надо быть хитрее и придерживаться плана: встретиться с хозяйкой этого заведения, узнать, кто и сколько ей заплатил за амаррскую госпожу, и пообещать больше! Дом Маренкеш очень богат и знатен, его женщины занимают многие государственные посты, а Старшая Мать – приближенная императрицы. Вряд ли хозяйка портового борделя захочет связываться с местной властью.

Подбодренная собственным решением, Эсмиль уже спокойно спустилась по лестнице и с чувством превосходства шагнула в довольно просторный зал. Ее встретило квадратное помещение с облезлой краской на стенах, давно потерявшей свой цвет. Всю его меблировку составляли деревянные столы и лавки, стоявшие ровными рядами, а также несколько грубо сколоченных стульев, расположенных у стены. Напротив лестницы виднелись два мутных окна без занавесок, слева – длинная стойка с посудой, за стойкой – темный проем двери, ведущей, по всей видимости, на кухню: именно оттуда шло тепло очага, и доносился запах еды. А вот справа от лестницы Эсмиль заприметила тяжелую дверь, сбитую из толстых досок и увенчанную железным засовом. Что-то подсказывало, что засов на ней не ради красоты, и что эта дверь ведет наружу.

Ах, как было сильно искушение сделать эти несколько шагов, толкнуть заветную дверь и выскочить на улицу! Но девушка прекрасно понимала, что одна, практически голая, да еще неизвестно где, она долго не продержится и вряд ли доберется до дома. Нет, надо действовать так, как задумано. Соблазнить хозяйку этой богадельни перспективой разбогатеть и заставить ее помочь добраться до столицы. Если императрица узнает, что наследницу одного из высших Домов Амарры отдали в бордель, она живьем снимет шкуру со всех, кто в этом участвовал!

Глава 3

Поправив сползшую с плеча шаль и придав лицу надменное выражение, Эмиль смело шагнула под своды кухни. Маленькое закопченное помещение, пропитанное старым, прогорклым жиром и жареным луком, заставило ее содрогнуться от омерзения. У большой печи, в которой полыхал жаркий огонь, обнаружились две девушки в серых платьях из грубого сукна. Одна что-то помешивала в черном от нагара чугушке, а вторая чистила овощи, сидя на низкой табуретке у теплого печного бока.

– Лирин! – та, что постарше, отложила поварешку и подбежала к ней, пытаясь обнять за плечи.

Эмиль брезгливо отшатнулась.

– Ты обозналась, рабыня. Я хочу видеть вашу хозяйку, – заявила она безапелляционным тоном.

– Что с тобой? Это я, Эйда, – девушка с изумлением взглянула на подругу. – Что этот лэр с тобой сделал?

– Лэр, – Эмиль криво усмехнулась, – а что делают северные варвары с женщинами? Думаю, вам не нужно объяснять, вы же здесь не первый день прислуживаете. И как ты смеешь так фамильярно разговаривать со мной?! Ты! Жалкая подстилка. Перед тобой наследница Дома Маренкеш, а не безвольная рабыня! – прошипела она с искаженным от ярости лицом.

– У тебя жар? – Эйда участливо протянула руку, собираясь приложить ладонь ко лбу той, кого она принимала за свою подругу.

Отпрянув, как от прокаженной, Эмиль отвесила ей увесистую оплеуху. От неожиданности девушка покачнулась и неловко упала, с ужасом глядя на свою обидчицу.

– О, святая Арнеш, защитница всех обездоленных, – прошептала Эйда, прикрывая рот ладонью, – ты повредила умом! Мара, беги за хозяином. Скажи, что наша Лирин сошла с ума.

Вторая девушка, до этого тихо сидевшая на своем месте, отложила нож и неуверенно направилась к выходу.

– Стой, где стоишь! – Эмиль заступила ей дорогу. – Назови имя своей хозяйки и какому Дому она принадлежит.

– Лирин, ты что, у нас нет хозяйки...

Эмиль впилась в нее тяжелым взглядом, на дне которого клочкотала ярость:

– Не забывайся, рабыня. Я не знаю, с кем ты меня спутала, но тебе надлежит обращаться ко мне не иначе, как ясновельможная госпожа. Вы не подданные императрицы, а потому я могу приказывать вас выпороть.

– Да тебя саму выпорют, сумасшедшая! – Эйда вскочила на ноги и толкнула Эмиль, пытаясь сдвинуть ее с прохода. – Беги, Мара! Зови на помощь!

Младшая из девушек скользнула в образовавшийся проем, а Эмиль и Эйда с диким визгом вцепились друг другу в волосы. Вернее, визжала Эйда, потому что Эмиль с молчаливой сосредоточенностью наматывала на руку ее длинные косы. А намотав, резко дернула, заставляя несчастную упасть на колени. Та вцепилась в запястья соперницы, пытаясь оторвать ее руки от своей головы, но амаррка с ужасающим хладнокровием ударила ее ногой в лицо, разбивая в кровь нос и губы, а потом потащила волоком по каменному полу, обдирая нежную кожу щек о грязную поверхность.

* * *

Нхир Ридрих Марх, хозяин маленького трактира, забытого на краю разбитой дороги, давно не был так растерян, как сегодня. Еще бы, его заведение посетил лэр благородных кровей, чего ж не радоваться? Да только лэр этот потребовал себе в постель любимую рабыню хозяина, которую тот берег для себя.

Лирин недавно исполнилось шестнадцать, и нхир Марх давно уже поглядывал в ее сторону. Но по странной прихоти судьбы ему хотелось добиться ее взаимности. Едва ли не впервые в жизни он почувствовал к женщине нечто большее, чем обычная похоть.

Изящная, бледнокожая, с огромными голубыми глазами, в которых светилась безмятежность, и роскошными волосами цвета расплавленного золота, она давно вызывала к себе мужской интерес. Несмотря на юный возраст, у этой рабыни было вполне развитое тело – тонкая талия, крепкая налитая грудь и округлые бедра, при взгляде на которые у Марха начинало ныть в паху. Он испытывал к ней почти отеческую заботу, густо одобренную вождением. Одаривал ее мелкими безделушками, не позволял заниматься тяжелым и грязным трудом, не показывал постояльцам. Уже представлял, как возьмет это нежное существо в свою постель и будет единолично наслаждаться ласками юной прелестницы. Но сегодня все пошло прахом.

Простой нхир не мог отказать благородному лэру. Что ж, девочку, конечно, жаль, но пострадавшая мужская гордость трактирщика быстро успокоилась полученным вознаграждением. Постоялец оказался более чем щедр, и за постельные услуги рабыни отвалил приличную сумму. К тому же, с ним прибыли и его друзья, для которых лэр тоже не поскупился.

Марх уже разместил полуночных гостей и, приняв на грудь для успокоения пострадавшего эго, расположился в собственном кабинете, подсчитывая барыши. Но женские крики, внезапно раздавшиеся с первого этажа, заставили его одним махом смести в сундук аккуратные столбики монет. Трактирщик бросился вниз по лестнице, на ходу выпутывая из-за пояса потрепанный кнут.

Влетев в кухню и едва не столкнувшись с перепуганной Марой, он буквально остолбенел. От увиденной картины его прошиб холодный пот. Лирин! Его нежная, ласковая девочка, которую он намеревался в скором будущем сделать своей, сейчас с лицом хладнокровного убийцы сосредоточенно била Эйду головой об пол.

Несчастная уже не кричала. Она молча вырывалась, но ярость, душившая озверевшую соперницу, сделала ту намного сильнее.

– Остановись! – Ридрих сорвал с пояса плетъ и хлестнул ею по каменному полу.

Резкий звук заставил Эсмиль оторваться от жертвы и повернуться лицом к мужчине.

– А-а-а-а, явился еще один клиент? – процедила она сквозь зубы. Затем, увидела плетъ в его руках. – Ты! Отродье шакала! Только посмей поднять руку на подданную Амарры! Бенгет вырвет твоё гнилое сердце и сожрет у тебя на глазах!

Прежде небесно-голубые глаза Лирин сверкали сейчас неудержимой яростью. Лицо, которое нхир Марх помнил нежным и мечтательным, перекошило от бушующей злости. Что же произошло в съемной комнате, если прежде робкая девочка за один час превратилась в разъяренную фурию?! Неужели потеря девственности стала ударом, повредившим ее душу? Что же тогда вытворял этот лэр, если таков результат его любовных игр?! Или эта тихая девочка всегда имела склонность к безумию? Марх не знал, что и думать. Но позволить оскорблять себя в своем доме, да еще собственной рабыне... нет, такого он точно не мог позволить.

– Да ты никак умом повредила, эргова бестолочь! – взревел трактирщик. – Я ж тебя в казематах сгною!

– Ты сам там сгниешь, грязный пес! – выплюнула Эсмиль.

– Вот уж не думал, что придется усмирять бесноватую рабыню! – в сердцах воскликнул Ридрих, вскидывая плеть.

Тонкий хлыст взвился, черной змеей оплетая тонкую руку Эсмиль, которую та резко выкинула вперед, одним движением намотав шаль на предплечье. Но вместо того, чтобы закричать от боли, сумасшедшая рабыня вдруг сжала кончик хлыста в кулаке и резко дернула вниз, вырывая рукоятку из рук Марха. Трактирщик в изумлении вытаращил глаза.

Искусство битвы на кнутах было широко известно среди аристократок Амарры, многие из них даже участвовали в ежегодных турнирах. Вот и Эсмиль не обошла стороной повальная мода. Конечно, тренировались девушки не с рабами, а между собой. Ни один мужчина в Амарре, даже по принуждению, не смог бы поднять руку на женщину своего Дома. Но на тренировочных стадионах не существовало различий между Домами. Тренер – истинная амазонка с мускулистым телом и короткой стрижкой, не снимавшая доспехи даже на ночь – учила изнеженных аристократок управлять своим телом, болью и плетью в руке. Тела девушек защищала особая экипировка. Она не приглушала боли, зато не позволяла оставаться на коже следам от кнута. Тренировки проходили раз в неделю, а в остальное время Эсмиль оттачивала свое владение кнутом на собственных рабах.

Она не собиралась участвовать в турнирах, но новая забава неожиданно захватила ее с головой. Любимый кнут с жесткой рукояткой и длинным, почти двухметровым телом очень быстро превратился в продолжение ее руки. Ей нравилось слышать свист гибкой плети, разрывающей воздух, оплетающей, подобно змее, живое податливое тело, нравилось наблюдать, как лопается тонкая человеческая кожа, как вспухают багровые рубцы. Запах крови щекотал ее изящные ноздри, она чувствовала себя всесильной, как Бенгет, наслаждалась стонами рабов, валявшихся у ее ног и безропотно принимавших ласки ее кнута. Это ощущение всевластия заставляло что-то темное и неизведанное просыпаться в ее душе.

Замахиваясь на нее, Ридрих думал, что имеет дело с робкой Лирин. Его целью было лишь напугать, он вовсе не собирался портить нежную шкурку желанной женщины. Но то, что произошло дальше, повергло его в ступор.

Вырвав плеть из рук трактирщика, Эсмиль легким поворотом запястья заставила ее взвиться в воздухе и резко щелкнула об пол. В этот момент она была похожа на мифическую фурию: разметавшиеся волосы, горящий яростью взгляд, рот, искривленный в кровожадной усмешке. Казалось, еще минута – и она разнесет весь трактир.

– Гард! Спун! – заорал нхир Марх не своим голосом, призывая слуг. Ему на одно мгновение показалось, что рабыня, обезумев, превратилась в чудовище, жаждущее его крови.

Он был не слишком далек от истины. В эту минуту Эсмиль действительно желала всю его кровь, до последней капли. Она уже представляла, как будет по кусочку снимать кожу с этого ничтожества, забывшего, что место мужчины у женских ног. А потому не успела вовремя среагировать на появление еще двух действующих лиц.

Конюх и его подручный напали из-за спины. Как бы виртуозно не владела девушка кнутом, но против толстой шкуры северных варваров все ее умение оказалось бессильным. Один из них специально подставился под удар, как и она недавно, вырвал кнут из ее рук и отбросил его далеко в сторону. Затем мужчины уже втроем навалились на нее, пытаясь связать.

Эсмиль дралась как дикая кошка: кусалась, царапалась, шипела, плевалась, извергала ругательства и проклятия, обещая, что отдаст на алтарь Бенгет "этих выроdkов". Но мужчины, выросшие в суровых условиях и каждый день боровшиеся за жизнь, быстро сломили сопротивление юной аристократки. Это дома и среди своих рабов она была всесильна, а здесь...

Когда ее, избитую и крепко связанную, бросили на пол в холодной кладовке, она впервые в жизни заплакала. Не от боли и страха, а от бессильной ярости и унижения – чувств, которых прежде ей не доводилось испытывать.

* * *

Дарвейна разбудил стук в дверь. Потянувшись, он машинально прошелся рукой по кровати, ожидая нащупать теплое женское тело. Но его рука наткнулась на пустоту. Мужчина недовольно нахмурился. Стук повторился.

– Кто там? – раздраженно гаркнул лэр.

Дверь робко приоткрылась, и в проеме показались испуганные глаза незнакомой рабыни.

– Ваша Милость, – произнесла она еле слышно, – хозяин приказал узнать, не желаете ли чего...

Пару мгновений Дарвейн пристально ее разглядывал. На личико вроде ничего, а фигура...

– Зайди и закрой дверь, – приказал он. – Раздевайся.

Мара, а это была она, практически оцепенела от ужаса и дрожащими пальцами начала развязывать узлы на своей одежде. Перед ее глазами стояло искаженное злостью лицо Лирин. Что же этот лэр вытворяет в постели, если бедняжка помутилась разумом из-за него?!

Вид обнаженной женской плоти привел мужское достоинство лэра в полную боевую готовность. Девушка была юна, с длинными ногами, полноватой грудью и округлыми ягодичками, но все равно чего-то не хватало. Какой-то перчинки.

– Подойди к стене, – голос мужчины стал ниже, в нем завибрировали хриплые нотки, – обопришься. Вот так.

Встав позади девушки, он прижался к ней всем телом, ощущая своими бедрами гладкость ее ягодиц. Рабыня была покорна его воле и точно знала, чего от нее хотят. Расставив ноги, она позволила лэру втиснуться между ними и так прогнулась в спине, что его набухшая плоть теперь упиралась прямо в ее лоно. Всего одно движение, и он будет глубоко в ней.

Но Дарвейн почему-то медлил. Мужчина сам не понимал, почему он это делает, но только услужливая покорность рабыни начала его раздражать. Ему хотелось, чтобы она возмутилась, дернулась, хотя бы попыталась отстраниться. Но нет, она послушно ждала, пока он войдет в нее и использует. Это показалось ему отвратительным.

Разозлившись на самого себя, мужчина схватил девушку за волосы и резким движением поставил на колени. Теперь его увеличившееся орудие оказалось как раз напротив ее лица.

– Соси, – жестко приказал он, сузив глаза.

Мара безропотно подчинилась. Свою девственность она потеряла еще в тринадцать лет и за это время поняла, что мужчинам не стоит перечить. Особенно, в спальне. Особенно, когда мужчина купил тебя за деньги. Лучше смолчать и покориться, и тогда, наверняка, довольный клиент сунет лишнюю монетку тебе за пазуху, тайком от сурового хозяина.

Девушка старательно вылизывала его член, лаская искушенным язычком, но делала это механически, без страсти и огня. Дарвейн чувствовал, как ее язык скользит вдоль ствола, дразнит чувствительную уздечку, легко ударяет по головке... Тело лэра жило своей жизнью, но разум оставался холодным и беспристрастным. Это была не та женщина. Он хотел бы видеть на ее месте другую.

В какой-то момент он прикрыл глаза и представил, что совсем другая девушка так покорно насаживается ртом на его плоть. Вернее, не покорно, а с безудержной страстью и после того, как он заставил ее силой!

Картина, пронесшаяся перед внутренним взором, заставила его зарычать. Ухватив рабыню за волосы, он начал двигаться резкими, глубокими толчками, ничуть не заботясь о том, что та задыхается. Напряжение в паху достигло своего предела. Дарвейн последним движением вошел в рот рабыни на всю длину так, что кончик его члена уперся в заднюю стенку ее горла, и излился мощной струей. Затем медленно вышел из нее и коротко бросил:

– Я хочу видеть ту рабыню, за которую заплатил раньше.

Мара судорожно закашлялась, пыталась отдышаться. Она едва не задохнулась, пока лэр удовлетворял свою похоть. На глазах выступили слезы от нехватки воздуха, но она выдержала это испытание и сейчас гордилась собой. В конце концов, не каждая женщина способна уложить мужчину подобным способом!

– Она больна, – прохрипела девушка, восстанавливая дыхание, – и не может быть вам полезна, Ваша Милость.

Дарвейн молча натянул штаны, а потом не терпящим возражений тоном заявил:

– А вот это я уже сам решу, может она мне быть полезна или нет. Где твой хозяин?

Нхир Марх обнаружился в трапезном зале и, едва увидев проблемного постояльца, тут же накинулся на него чуть ли не с ругательствами. Дарвейн, насмешливо улыбаясь, выслушал нелепые обвинения и лениво произнес:

– Не понимаю, о чем ты, трактирщик. Вот твоя рабыня, – он указал на Мару, – с которой я провел последние полчаса. Разве она избита? Изнасилована? Или ей причинен другой вред? Да и признаков помешательства не видно. Так что не нужно обвинять меня в том, что одна из твоих рабынь сошла с ума.

– Я не знаю, что вы там себе надумали, Ваша Милость, но вам придется заплатить мне неустойку! – Ридрих начинал сердиться. Этот высокомерный сукин сын испортил рабыню, которую он хранил для себя, довел ее до сумасшествия, а теперь собирается улизнуть, не покрыв расходов. – Девчонка ни на что не годна, у нее буйное помешательство. Я даже не смогу ее продать!

– И почему меня должны трогать твои проблемы? – Дарвейн саркастично приподнял одну бровь.

– Пока вы не взяли ее себе в постель, с ней все было в порядке, – упрямо повторил трактирщик.

Лэр окинул его насмешливым взглядом. Небольшого роста кряжистый мужичок. Наметившееся брюшко, окладистая борода, сальный взгляд из-под густых бровей. Ну, да, сразу видно – охотник до девок. Почему тогда эту берег? Никак влюбился? Или просто не успел? А теперь что, решил заработать на случайном постояльце? Мелкая душонка.

Дарвейн презрительно сплюнул на грязный пол.

– Сколько хочешь за девку?

– Что вы имеете в виду, Ваша Милость?

– Я спрашиваю, во сколько ты оцениваешь свою полоумную рабыню?

– Э-э-э... но она не продается...

– Неужели? – Дарвейн одной рукой схватил трактирщика за грудки и немного приподнял над полом, приблизив его лицо к своему. – Только что ты плакался, что не сможешь ее продать. Так вот. Назови свою цену. Я дам вдвое больше, и будем считать, что инцидент исчерпан.

В голове у Марха тут же защелкали костяшки воображаемых счетов. Глаза заблестели в предвкушении скорой наживы. Что значит недостойная мужчины душевная слабость, если на кону хорошие деньги?!

– Две тысячи кертингов! – задыхаясь от волнения, выпалил он.

Дарвейн чуть не расхохотался, услышав, что этот несчастный оценил свою рабыню как породистого скакуна.

– Боюсь, на рынке она будет стоить намного меньше, чем мой конь, – сказал он. – Триста ледоров и ни одним эро больше!

Ридрих на секунду прикрыл глаза. Это действительно было щедрое предложение. На базаре ему вряд ли дали бы и половину этой суммы.

– Ладно, – скрепя сердце произнес он, – ваша взяла. Пройдемте в мой кабинет, надо оформить купчую.

– Где сейчас моя новая собственность? – поинтересовался Дарвейн.

При упоминании о девушке у него сладко заныло в паху, а чресла налились кровью. Маленькая чертовка была страсть как хороша! Дарвейн вспомнил, с какой яростью она отбивалась, и снова ощутил прилив желания. Что ж, дорога в родные земли предстоит неблизкая, хорошо, если под рукой всегда будет доступная женщина. А то, что она буйная, так это даже лучше. Ее яростное сопротивление будет разжигать в нем еще больший огонь. К тому же, он вполне способен ее укротить.

Перед глазами предстало обнаженное тело рабыни, извивающееся в муках оргазма. Да, сначала она дралась с ним, как дикая кошка, а потом сама двигалась ему на встречу, резко, чувственно, быстро, задыхаясь от наслаждения. Разве можно ее огонь сравнить с рабской покорностью других?

Дарвейн нахмурился, вспомнив утреннее пробуждение. Маленькая дрянь посмела сбегать, пока он спал. Что ж, сегодня он с удовольствием ее накажет...

Глава 4

Эсмиль услышала приближающиеся шаги и мужские голоса и едва сдержала первый порыв разразиться ругательствами и проклятиями. Но природная осторожность заставила ее промолчать. Маленькая дверца с противным скрипом отворилась, пропуская в кладовку двух мужчин с чадающим факелом. Амаррка скосила глаза, разглядывая начищенные сапоги одного из них, замершие прямо возле ее носа. Интуиция ей подсказала, что лучше не испытывать судьбу и притвориться пай-девочкой, по крайней мере, до тех пор, пока ее не развяжут.

Дарвейн с интересом рассматривал тело у своих ног. Девушка лежала ничком, со связанными за спиной руками, а ее ноги были обвиты толстой веревкой от колен до самых лодыжек. Одной щекой она касалась грязного пола, другую закрывали светлые локоны, выбившиеся из растрепанной косы. Сквозь пряди волос настороженно поблескивали голубые глаза. Мужчина мог бы поклясться, что уловил в этом взгляде не только ненависть, но и превосходство. Похоже, у маленькой рабыни бойцовский характер. Что ж, тем интереснее будет ее подчинять. Главное, не сломать, ведь сломанные игрушки уже не так интересны.

– Вот она, Ваша Милость, – тоскливо промямлил Ридрих. – Пришлось связать. Она напала на меня.

– Раньше такое бывало?

– Я же говорил, что нет. Зря я отдал ее вам. Это после вас она будто взбесилась.

– Да ладно, не прибедряйся. Ты неплохо заработал на ней, – хохотнул мужчина, – а заодно я избавил тебя от этой проблемы, обменяв на кругленькую сумму. Разве не так?

– Да, Ваша Милость, что прикажете делать?

– Пусть приготовят лошадей, и скажи моим людям, что мы отбываем сразу после обеда.

Ридрих поспешил выполнить приказ, желая поскорее выдворить таких проблемных гостей из своего трактира.

Эсмиль не могла поверить в то, что слышала. Ее продали? Продали!!! И кому? Этому неотесанному мужлану в кожаных штанах? Грубому и заросшему, как настоящий зверь? Да он и есть самое настоящее похотливое животное, способное жить лишь своими инстинктами!

Она яростно задергалась, когда он нагнулся и осторожно отвел волосы с ее лица.

– Красавица, – лэр довольно щелкнул языком, – хоть и потрепана слегка.

– Ты! Грязный сын шакала! – девушка буквально выплюнула эти слова. – Только попробуй меня тронуть!

– И что же ты сделаешь, моя маленькая рабыня? – рассмеялся он. – Убьешь меня? Помоему, ты сейчас не в том положении, чтобы угрожать.

Дарвейн надавил коленом ей между лопаток и начал развязывать веревки.

– Постарайся быть послушной девочкой и, кто знает, вдруг я окажусь щедрее и нежнее твоего предыдущего хозяина. Но если будешь доставлять мне проблемы, то узнаешь, насколько я могу быть жестким.

– О да! Это я уже узнала! – прошипела Эсмиль.

– Нет, дорогая, пока я был с тобой очень мил, – пробормотал мужчина, сражаясь с узлами.

Девушка застонала от боли, когда кровь наполнила затекшие мышцы. Будто тысячи крошечных игл вонзились в ее кожу – это возвращались к жизни уснувшие нервные окончания.

Дарвейн развязал последний узел и довольно нелюбезно вздернул свою рабыню на подгибающиеся ноги.

– Надеюсь, мы с тобой договорились, – проговорил он, сжав пальцами ее подбородок и глядя прямо в глаза предупреждающим взглядом, – ты слушаешься меня во всем, а я стараюсь быть тебе добрым хозяином.

– Это какая-то ошибка, – пробормотала девушка, беспомощно пытаясь отвернуться, – я не рабыня. Я оказалась здесь по ошибке. Отведите меня к хозяйке этого заведения, и я все объясню. Я могу хорошо заплатить за свою свободу!

Мужчина весело расхохотался.

– Хозяйка! Это ж надо такое сказать! И когда это в Ангрейде женщина была хозяйкой хотя бы собственной жизни?!

– Что вы хотите этим сказать? Я не рабыня, я наследница высшего Дома Маренкеш. Вы можете получить за меня хороший выкуп. Неужели вам помешают несколько тысяч скерций?

– Милая, – сказал Дарвейн, все еще посмеиваясь, – ты весьма забавна. В Ангрейде не ходят скерции. Это дутое золото ходит только на Южном материке, а мы, северяне, больше доверяем полновесному кертингу. Так что перестань говорить глупости, а еще лучше, используй свой прелестный ротик по назначению.

Брови девушки удивленно приподнялись.

– Ах, да, я и забыл. Ты же совсем невинна, – он покачал головой и окинул ее недвусмысленным взглядом, – но это мы легко исправим. Позже.

– Подожди! – Эсмиль схватила его за руки, – объясни, что означают твои слова? Где я сейчас нахожусь?

Он бросил в ее сторону недовольный взгляд и покачал головой:

– Не старайся, я не поверю в твое сумасшествие. Ты выглядишь чересчур хладнокровной для блаженной. Поэтому перестань изображать слабоумную, пока я не наказал тебя. Осмотрись вокруг. Что ты видишь? Думаю, мне нет нужды отвечать на твои глупые вопросы.

Крепко держа ее за руку, Дарвейн поднялся по лестнице в отведенную ему комнату. Здесь уже ничто не напоминало о ночном происшествии: ванну вынесли, пол протерли. Даже постель поменяли, и от свежих простыней едва ощутимо пахло лавандой.

Эсмиль на мгновение замешкалась в дверях. Ее вдруг сковало странное ощущение. Стоило лишь увидеть эту комнату, как воспоминания об унижении, что пришлось пережить в этих стенах, заставили девушку залиться горячим румянцем.

Облизав губы, Эсмиль невольно вспомнила, какие твердые ладони у Дарвейна и как жестко они держали ее тогда, вжимая лицом в подушку. Вспомнила запах его пота, остро-пряный, мужской, будто наяву ощутила вес горячего тела и ту силу, что бурлила у него под кожей. Станный жар пробежал по ее телу, заставив сердце забиться сильнее.

Мужчина с усмешкой сжал плечи девушки и нагнулся, с шумом втягивая аромат ее шеи.

– Да, малышка, мне тоже понравилось, – хрипло шепнул он. – Не переживай, следующей ночью обязательно повторим. А пока собери мои вещи и приведи себя в порядок. Нам пора отправляться.

* * *

Когда он вышел, надежно заперев двери, Эсмиль бессильно опустилась на кровать. Сгорбившись, она спрятала лицо в ладонях и сидела так несколько бесконечно долгих минут, пытаясь свыкнуться со своим положением.

Итак, этот грубый северный варвар тонко намекнул, что она далеко от своего дома. Да она и сама это уже поняла. Даже в портовых борделях побоялись бы удерживать силой подданную Амарры, ведь это было неслыханным преступлением против самой императрицы! Но что же теперь делать? Смириться со своей долей? Стать игрушкой для этого мужлана и его неотесанных дружков, похожих на свору диких собак? Никогда! Эсмиль ди Маренкеш никогда не унижится до того, чтобы служить мужчине.

Резко поднявшись, она решительно пересекла комнату и остановилась у ширмы, отделявшей уборную от основного помещения. Может, стоит привести себя в порядок и попробо-

вать обольстить этого наглеца? Какой мужчина устоит против утонченной красоты амаррской аристократки? Только абсолютно слепой!

За ширмой обнаружился небольшой медный таз, призванный изображать умывальник, кувшин с холодной водой, брусок вонючего мыла и кусок серого полотна вместо полотенца. Над тазом на деревянной дощечке висело маленькое мутное зеркальце.

Эсмиль налила в таз воды, набрала в ладони и хорошенько умылась, желая вместе с грязью стереть с себя и все воспоминания, смущавшие ее душу. Не глядя, взяла полотно, приложила к щекам, затем, подняла взгляд и посмотрела на свое отражение.

Маленький кусок полированной бронзы слишком редко чистили, чтобы сейчас в нем можно было различить отдельные детали. Но одно Эсмиль поняла точно: девушка, смотревшая на нее из зеркала, была ей абсолютно незнакома!

* * *

Дарвейн сидел в общем зале вместе со своими людьми, когда со второго этажа раздался душераздирающий женский визг. Вскочив на ноги и едва не перевернув стол с только что принесенным обедом, мужчина бросился вверх по лестнице.

Пара его воинов тут же заблокировали двери на кухню и выход на улицу, а еще двое поспешили вслед за своим лэрмом. Никто не знал, что случилось, но еще никогда прежде им не доводилось слышать таких воплей.

Дарвейн не стал тратить время на поиски ключа, он просто высадил плечом хлипкую рассохшуюся дверь и ввалился в комнату. Его новоприобретенная рабыня билась в истерике, причем так натурально, что было просто невозможно поверить в ее притворство.

– Что это?! Что это?! – вопила она, дергая себя за волосы с такой силой, что в ее скрюченных пальцах оставались целые пряди. – О, Всевидящая Мать! Что ты со мной сделала!

Схватив ошейник, плотным кольцом обвивавший ее тонкую шею, она попыталась его сорвать. Но тут же хлесткая пощечина обожгла ее лицо, заставив резко оборвать крик.

– Ты что здесь устроила? – прошипел Дарвейн, вздергивая ее на ноги. – Я ведь предупреждал тебя, не создавать мне проблем.

Эсмиль тихонько завывала, тыкая пальцем в валявшееся на полу зеркало.

– Да что с тобой?! – мужчина в ярости встряхнул ее такой силой, что у нее клацнули зубы.

– Это не я, – прошептала девушка так отчаянно, что мужчина на короткий миг усомнился в правильности своих действий.

– Что – не ты? – переспросил он.

– Это не я! Это не мое тело! Не мои волосы! Не мое лицо!

С каждым словом она повышала голос, а под конец уже кричала, срывая горло. Новая пощечина заставила ее упасть на колени. Дарвейн ухватил девушку за волосы, запрокинул ее лицо вверх и прошипел сквозь зубы:

– Заткнись! Или, клянусь Эргом, я выпорю тебя собственноручно!

– Ваша Милость, – прозвучал от дверей голос одного из воинов, – вы все еще хотите взять ее с собой? Она может стать помехой в пути.

– Это не то, о чем ты должен переживать, Вирстин, – Дарвейн сверкнул глазами. – В конце концов, я всегда могу поделиться рабыней с братьями по оружию. Но не сейчас, – добавил он, уловив похотливый блеск в глазах товарища. – Сейчас нам пора уходить.

Физическая боль привела девушку в чувство, но истерика сменилась апатией. Перед глазами стояло бледное лицо в ореоле золотистых волос, которое она увидела в мутном зеркале. И огромные голубые глаза, смотревшие на нее с молчаливым отчаянием.

Эсмиль пришлось принять жуткую правду: нет больше первой красавицы Амарры, способной соблазнить любого мужчину одним движением брови. И это не происки каких-то вра-

гов, нет, все гораздо страшнее. Какая-то сила в одно мгновение переместила ее не только в чужие земли, но и в чужое тело. Из мраморного дворца – в грязный трактир, из тела аристократки – в тело рабыни. И вряд ли есть смысл взывать к богам, ведь, судя по всему, без них здесь не обошлось...

Будто сомнамбула, она делала все, что ей говорили, отвечала на вопросы, куда-то шла. Знакомая девушка отвела ее в комнату под крышей и помогла сложить в заплечный мешок несколько застиранных платьев, если так можно было назвать эти тряпки. Потом взяла за руку и вывела во двор, где уже гарцевали несколько великолепных лошадей теоффийской породы.

– Прощай, Лирин, – Мара коротко обняла подругу, стараясь не обращать внимания на ее странное состояние. – Надеюсь, богиня судьбы будет к тебе добра.

– Какое мерзкое имя, – едва слышно прошептала девушка, не имея сил даже отстраниться.

К ним приблизился Дарвейн на своем гнедом жеребце. Он немного наклонился, подхватил свою рабыню под мышки и, словно перышко, поднял себе в седло.

– Ну почему же мерзкое, – промурлыкал он, обдавая горячим дыханием ее ухо. – Очень символичное. Лирин означает «надежда» на наречии восточного побережья.

– Надежда, – горько пробормотала она. – Мое имя означает "Солнечноликая"...

Глава 5

Эсмиль была слишком обескуражена, слишком подавлена и разбита, чтобы продолжать сопротивление. Никогда прежде ей не приходилось совершать верхом настолько долгие путешествия. Амаррские аристократки предпочитали портшезы, колесницы или крытые двуколки верховой езде, хотя многие Дома могли похвастаться собственным конным заводом.

Вот и Эсмиль очень редко приходилось самостоятельно сидеть в седле. За несколько часов скачки по отвратительным дорогам Ангрейда нежная кожа ее бедер стерлась почти до крови, кости таза болели в таких местах, о которых она и не подозревала, а позвоночник мучительно ныл от постоянного напряжения. В какой-то момент она не выдержала, плюнула на все и привалилась спиной к груди своего мучителя. Она не видела, как Дарвейн кинул на нее снисходительный взгляд из-под опущенных ресниц, зато почувствовала, что его рука на ее талии сжалась еще сильнее.

Этот дикарь решил, что она сдалась? Как бы ни так, это просто передышка перед боем.

– Не стоит так бояться меня, – раздался проникновенный шепот над ее головой, и горячий влажный язык прошелся по нежной раковине уха. Острые зубы прикусили мочку, заставив девушку вздрогнуть. – Мне больше нравится видеть тебя гордой и независимой, моя дикая кошечка. И как в этих трущобах сохранился такой цветок?

Эсмиль передернула плечами и попыталась отодвинуться. Это было практически нереально, поскольку мужчина держал крепко и, похоже, наслаждался ее сопротивлением.

– Ты рано радуешься, варвар, – пробормотала девушка. – Ты не сможешь долго удерживать амаррскую подданную. Дай только добраться до консульства.

– Да? – Он запустил руку ей в волосы и силой развернул к себе ее лицо. Под его насмешливым взглядом она поджала губы и глянула в ответ с неприкрытой ненавистью. – И что же ты скажешь амаррской консульше, этой высокомерной сучке, которая даже нашего короля принимает не иначе, как в окружении своих рабов? Если ты действительно аристократка, то как оказалась рабыней этого трактирщика? Если это не твое тело, как ты утверждаешь, то как ты в него попала и где твое? Тебе не кажется, что все это похоже на детские сказки? Тебе никто не поверит, еще и камнями побьют за вранье. А я слишком дорого заплатил за тебя, чтобы позволить так рисковать. Поэтому, прекрати испытывать мое терпение и смирись со своей долей.

– Я не твоя собственность! Ты, грязная свинья! – взорвалась девушка. Ее рука взлетела вверх, раздался звук пощечины, и на застывшем лице Дарвейна расцвел красный след от удара.

Мужчина буквально окаменел, но в его глазах медленно разгорался темный огонь, не обещавший ничего хорошего.

Он сжал ее волосы еще сильнее, причиняя резкую боль, пригнулся и, глядя прямо в глаза, прошипел:

– Ты зря это сделала, маленькая рабыня. Пора научить тебя хорошим манерам.

Эсмиль скрыла нервный вздох и украдкой огляделась вокруг. Они находились на обочине дороги, которая шла через густой лес. Было довольно прохладно, на деревьях почти не осталось листьев, а траву в некоторых местах покрывал иней. Воины, сопровождавшие Дарвейна, да и он сам, были экипированы безрукавками из густого медвежьего меха, накинутыми поверх курток из грубой шерсти, а вот девушке приходилось кутаться в суконную накидку с капюшоном. Но сейчас эта накидка была грубо сорвана с нее, и тело мгновенно охватил осенний холод.

Дав отряду знак остановиться, Дарвейн спешил и за волосы стянул с коня свою строптивую невольницу. Она еще сопротивлялась, пытаясь оторвать руки мучителя от своих волос, но это было бесполезно. Мужчина быстро скрутил ей запястья крепкой веревкой и вздернул вверх, закрепив на толстой ветви ближайшего дерева. Затем, молча разорвал платье от ворота до поясницы, оголяя бледную спину.

– Знаешь, что делают с рабыней, поднявшей руку на своего господина? – произнес он бесцветным голосом. – Ее могут отдать в общее пользование, могут побить камнями или палкой. Все зависит от желаний хозяина. Я предпочитаю стек. Хорошая вещь для дрессировки строптивых женщин и лошадей. Не так ли, кошечка?

Последние слова он произнес стоя так близко, что она почувствовала его дыхание на своей коже. Он коротко поцеловал ее в плечо и отошел за спину.

Первый удар обжег, будто огонь. Эсмиль дернулась и зашипела. На белой коже расцвела тонкая багровая полоса.

– Восхитительно, – произнес Дарвейн вполголоса и ударил еще раз.

Удары посыпались один за другим, девушка не успевала их считать. Гордый дух амаррской женщины заставил ее закусить губы и молчать. Никогда, ни под каким видом она не собиралась показывать свою слабость перед этими дикарями в вонючих засаленных шкурах! Но ужас всего происходящего был настолько реальным, что она уже не могла отрицать очевидного: судьба сыграла с ней злую шутку, вырвала из привычной жизни, лишила родного тела и забросила в мир, где женщина стоит дешевле лошади, на которой ее везут.

"О, Бенгет Всеблагая! – взмолилась она, чувствуя, как лопаются кожа под ударами стека и тоненькие струйки крови стекают вдоль спины. – За что мне все это? За что? Разве я не была твоей верной подданной? Разве не приносила тебе в жертву самых лучших рабов?"

Особо сильный удар заставил Эсмиль вздрогнуть и застонать сквозь стиснутые зубы. Она рванулась прочь от обжигающих ударов, действуя уже на одном инстинкте, но грубые мужские руки швырнули ее назад, до боли выкручивая запястья, связанные колючей веревкой. Адская боль пронзила все тело, начиная от вывихнутых рук, и спасительное забвение опустилось на бывшую госпожу.

* * *

Дарвейн был зол, очень зол. Эта рабыня испытывала его терпение своим глупым упрямством. Он хотел лишь одного: чтоб она закричала, признавая его власть над собой, но строптивая женщина лишь шипела сквозь зубы, будто разъяренная кошка, и молча дрожала под ударами скакового стека, вызывая в мужчине еще больший гнев.

Его люди, спешившись, с интересом наблюдали за неожиданным развлечением. Давненько их лэр так не срывался. И как только у глупой девчонки ума хватило поднять на него руку? А теперь еще и это никчемное упрямство – зачем терпеть боль наказания? Казалось бы, чего проще: закричи, прими его своим господином, покажи, что покорна его воле – и все закончится. Но она упорно продолжала молчать.

Удары ложились один за другим, тонкими полосами расчерчивая спину с обеих сторон. Дарвейн бил наотмашь. Десять ударов с одной стороны, десять с другой. Его обуял такой гнев, что он даже не заметил, когда его рабыня перестала издавать вообще какие бы то ни было звуки и безвольно повисла в своих путах. Он остановился лишь тогда, когда один из воинов подошел и положил руку ему на плечо.

– Ваша Милость, – произнес тихо его соратник, – вы ее убьете.

Тяжело дыша, Дарвейн смахнул пот со лба и уже спокойно взглянул на свою рабыню. Она не подавала признаков жизни.

– Приведите ее в чувство, – бросил он своему товарищу, сунул стек за голенище сапога и быстрым шагом направился в лесную чащу.

Он и сам не понял когда, в какой момент поддался гневу настолько, что забыл о том, что хотел всего лишь наказать глупую девчонку. Ну почему она так упряма? Что пыталась доказать своим гордым молчанием? Разве женщине не положено быть мягкой и чуткой, подобно воску в руках мужчины? А она сопротивляется так, будто в нее и вправду вселился демон! Он купил ее,

заплатил полновесной монетой и по все законам имеет право использовать свою собственность так, как считает нужным. Почему же тогда на душе так противно?

Отцепив от пояса фляжку с райсблером – прозрачным напитком из перебродившего овсяного солода, сваренного с медом и хмелем – Дарвейн сделал пару больших глотков. Огненная жидкость обожгла пищевод и растеклась внутри приятным теплом, успокаивая нервы. Прислонившись спиной к дереву, мужчина запрокинул голову и несколько минут бездумно вглядывался в облачную высь. Затем вернул фляжку на место и, придав себе прежний невозмутимый вид, отправился назад.

* * *

Эсмиль пришла в себя лежа под деревом. Кто-то освободил ее от пут и положил животом на расстеленный на земле плащ. Открыв глаза, девушка увидела рядом с собой все те же ненавистные лэровские сапоги. "Кажется, я уже начинаю привыкать к этому зрелищу", – мелькнула в голове горькая насмешка.

Присев на корточки, Дарвейн осторожно коснулся пальцем истерзанной спины. Рабыня издала болезненный стон, но в ее глазах по-прежнему светился огонь непокорства.

– Ты сама виновата в том, что произошло, – с тяжелым вздохом лэр поднялся на ноги и достал из поясной сумки небольшой узелок. В нем он хранил кубики амшеварра – высушенный и спрессованный сок горного мха амшерра, который северные варвары использовали как сильное болеутоляющее, а иногда и наркотическое средство. – Для такого слабого тела у тебя слишком гордый дух.

Опустившись на одно колено рядом с девушкой, он жестко сжал ее подбородок, заставляя раскрыть рот, и положил на язык горький кубик. Затем, удерживая ее одной рукой, другой отцепил от пояса фляжку, зубами вытащил пробку и влил в рот рабыни несколько глотков райсблера. Закашлявшись, девушка вынуждена была проглотить противное лекарство. Вместе с алкоголем по телу разлилась волна тепла. Исполосованную кожу на спине саднило, места ударов жутко болели, но постепенно это ощущение начало притупляться, мысли рабыни стали вялыми и неповоротливыми, а на губах заиграла глупая ухмылка.

Рядом раздалось сдержанное покашливание. Дарвейн резко оглянулся. Его люди стояли совсем рядом и с неприкрытым интересом разглядывали полуобнаженную рабыню, уже начавшую впадать в наркотическое опьянение. Похоже, доза, рассчитанная на взрослого воина, оказалась слишком большой для хрупкой девушки.

– Вставай! – Дарвейн грубо поднял ее на ноги и собственническим жестом завернул в плащ. – Остаток дороги ты проведешь в менее комфортных условиях.

Недовольно хмурясь, он буквально на себе отволол ее непослушное тело к коню и перекинул через лошадиный круп. Он так хотел быть с ней нежным, но она сама отвергла его ласку. Что ж, пусть теперь испытает его гнев.

Глава 6

Глухо застонав, Эсмиль с трудом разлепила глаза. Над ее головой темнел полог походного шатра, свитого из плотного войлока. Приподнявшись на локте, девушка огляделась. Кто-то оставил ее на подстилке из нескольких колючих одеял, а рядом, прямо на земле, лежала фляга с водой и кусок хлеба с солониной, завернутые в промасленную тряпицу. Почувствовав острую жажду, девушка протянула руку и впилась губами в горлышко фляги. Вода была холодной, мягкой, с привкусом меда.

– Проснулась? – раздался позади нее голос Дарвейна.

Она обернулась. Мужчина сидел прямо за ее спиной, так близко, что она могла дотронуться до него, если бы протянула руку. Его лицо в полумраке казалось высеченным из гранита: резко очерченные скулы, чуть запавшие щеки, густые брови, высокий лоб под криво обрезанной рваной челкой и глаза – глубокие, темные, завораживающие, затягивающие в себя, как бездна океана. Сейчас в этих глазах горел мрачный огонь, а взгляд, не отрываясь, следил за пленницей.

Эсмиль судорожно вздохнула, сбрасывая наваждение, и хрипло произнесла:

– Где мы?

– Остановились на ночевку. Завтра в полдень прибудем в Керанну, это ближайший крупный город рядом с вашей дырой. Ты была там хоть раз?

– Нет, – она покачала головой и потянулась за хлебом. Есть хотелось просто невероятно, но она не представляла, что делать с таким огромным куском мяса без столовых приборов. Хлеб хотя бы отломать можно. – Я даже не знаю, где вообще нахожусь.

– Подожди.

Дарвейн поднялся и сел рядом с ней, практически вплотную. Достал из голенища широкий охотничий нож и ловко нарезал хлеб и мясо на маленькие куски. Затем спрятал нож и снова отсел, продолжая пристально наблюдать за девушкой.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовался он.

Эсмиль прислушалась к себе.

– Пить сильно хочется. Вроде только что пила, – она растерянно пожала плечами.

– Что-нибудь болит?

Девушка хотела огрызнуться, мол, еще бы не болело, после такой порки, но потом с удивлением поняла, что не ощущает никакого дискомфорта.

– Как ты это сделал? – изумилась она.

Дарвейн усмехнулся. Ее отчаянная смелость imponировала ему, поэтому он не стал ее поправлять, указывая, как рабыне надлежит обращаться к своему хозяину.

– Это амшеварр. Вернее, высушенный сок амшерра, особого мха, растущего высоко в горах. В маленьких дозах он избавляет от боли, в больших – сводит с ума.

– У нас есть нечто подобное, – пробормотала девушка, – только называется по-другому. Харшиз. Его дают рабам и аскарам. Для притупления боли после наказаний или во время военных походов.

– А у нас – это где?

– В Амарре.

Мужчина смотрел с нескрываемым любопытством. Ему было интересно, что же еще придумает эта странная маленькая рабыня, чей запах буквально сводил его с ума. Он ломал голову, от чего она так изменилась за эти два дня, ведь он точно помнил, что встретил ее маленьким наивным котенком. Но теперь оказалось, что под этой ангельской внешностью скрывается настоящая дикая кошка: гордая, независимая, готовая умереть, но не сломаться. Это читалось в ее походке, повороте головы, в том легком презрении, с которым она смотрела вокруг себя.

Дарвейн неосознанно сжал кулаки. Ну, уж нет, ей придется ему подчиниться, он усмирит в ней эту гордыню. Пусть показывает свой норов другим, а с ним ей положено быть доступной и покорной всегда, когда он пожелает.

Он вспомнил, как увидел ее первый раз, когда поздно ночью вошел в трактир вместе со своими людьми. Услышал женский голосок, напевавший незатейливую мелодию, и пошел на него. Песня привела его в кухню, где в одиночестве над лоханью с водой склонилась хрупкая нимфа, озаренная лунным светом. Девушка стояла практически обнаженная, он сразу отметил ее высокую сочную грудь и округлый живот, и кровь в его жилах забурлила.

Вспомнил, как она тогда испугалась. Бросила мочалку и в лихорадочной спешке прикрылась руками. Вспомнил, как по ее телу стекали потоки мыльной пены, а в глазах воцарился ужас. О, да, она казалась такой невинной, что он тут же представил ее под собой, голую, покрытую потом, с бесстыдно раскинутыми ногами. Всю усталость от долгого перехода сняло, как рукой, он понял, что хочет ее.

В штанах внезапно стало тесно. Мужчина пошевелился, садясь поудобнее. На этот раз он не станет брать ее силой, нет, она сама будет умолять его о близости.

– Так ты считаешь, что попала сюда с Южного континента? – усмехнулся он.

– С Южного? – она непонимающе уставилась на него. – А сейчас мы, по-твоему, где?

Девушка зажала меж двух кусков хлеба пластинку мяса и с видимым удовольствием вонзила зубки в этот примитивный сэндвич. Дарвейну показалось, что она сейчас заурчит, точно как большая кошка.

– На востоке Ангрейда, – ответил он. – Это самое большое королевство Северного континента. На северо-восток от нас лежит Тиоффия, на северо-запад – Левансия. Это, кстати, самые цивилизованные страны, а всю остальную часть материка, вплоть до Вечных льдов, занимают земли данганаров – свободных кланов, ведущих весьма обособленный образ жизни.

– И куда же ты направляешься? – поинтересовалась Эсмиль, с аппетитом жуя подсохший хлеб и запивая его простой водой. То ли и вправду было так вкусно, то ли она просто сильно проголодалась, но сейчас этот нехитрый ужин показался ей аппетитнее, чем лучшие пирожные ее личного повара.

– Не я, а мы. Ты направляешься вместе со мной. Или уже забыла?

Она хмыкнула:

– Что, опять бить будешь?

Он скривился, будто сама мысль об этом была ему неприятна:

– Нет, на эту ночь у меня совсем другие планы.

Эсмиль подавилась, в красках представив себе эти планы. Схватив флягу, она сделала несколько быстрых глотков и только после этого взглянула на своего мучителя. Его лицо было невозмутимым, словно они говорили о погоде, и лишь глаза смотрели со странным выражением, определения которому она так и не смогла найти.

– Доешь, – приказал он, вставая, – потом я отведу тебя прогуляться.

Притихшая Эсмиль молча следила, как полог палатки опустился, скрывая его напряженную спину.

* * *

Дарвейн присел у костра, горевшего в небольшой яме меж четырех походных шатров. Его воины уже спали, используя каждую возможность для того, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

Еще недавно им приходилось спать урывками по два-три часа в сутки, питаться заплесневелым хлебом и пить протухшую воду. Но теперь этому пришел конец. После долгой кровопролитной вражды два ангрейдских барона объединили свои земли, поженив детей. Большая

часть наемных солдат стала не нужна, они отработали свой контракт и теперь возвращались в родные земли. За пять лет военной службы из отряда в тридцать человек у Дарвейна осталось только семеро, включая его самого, а впереди лежал долгий путь через суровые холодные земли, покрытые вечным снегом.

Мужчина закрыл глаза, вспоминая скалистые берега, заснеженные фьорды, зубчатые башни замков, обнесенные каменной стеной... Интересно, как там мать и братишка? Еще не женился? По-прежнему имеет горячую голову и язык без костей? Или уже повзрослел и стал более осмотрительным? Когда Дарвейн видел Мариоса в последний раз, тому было всего пятнадцать. За пять лет на чужбине он почти забыл, как выглядят его родные, но хорошо помнил запах любимых материнских благовоний и звонкий мальчишеский смех брата. Иногда, тоска по близким накатывала с такой силой, что усмирить ее могла лишь очередная битва, в которую Дарвейн и бросался, как обезумевший зверь.

Он был старшим сыном в семье, наследником клана Эрг-Нерай. Но едва ему исполнилось двадцать, как внезапная смерть отца и пошатнувшееся положение семьи заставили его податься на чужбину. Все, что он умел – это сражаться, и потому предложил свой меч одному из богатейших баронов Ангрейда, в надежде спасти свои земли от разорения. Пять долгих лет он служил верой и правдой тому, кто исправно платил ему полновесной монетой, а теперь вез домой внушительную сумму, достаточную, чтобы восстановить былую славу Эрг-Нерай. Да и его данганары неплохо заработали за эти года, жаль только, что многим пришлось расстаться с жизнью.

Все знали, данганары – лучшие воины во всех королевствах. Лучшие – это да, но не бесмертные. В пылу битвы, накачавшись амшеварром, они впадали в транс, и уже не замечали ран, не чувствовали усталости, пока не падали замертво, разрубленные на куски. Каждый воин-данганар мог сразиться с двадцатью мечниками и выйти из этой схватки живым. Но только в честном бою. Против летящей в спину стрелы или секиры не могут помочь ни сила, ни ловкость, разве что глаза на затылке.

– Ваша Милость...

Дарвейн резко открыл глаза и недовольно уставился на одного из своих людей, оставшегося сегодня в карауле.

– Девчонка, – Вирстин коротко кивнул в сторону господской палатки.

Выругавшись сквозь зубы, его лэр вскочил на ноги и, ступая бесшумно, как тень, двинулся вслед за неясным силуэтом, направлявшимся в сторону леса.

* * *

"Как же, буду я тебя звать, мужлан неотесанный, – раздраженно бормотала Эсмиль, пробираясь через густой кустарник. – Можно подумать, мне нужен сопровождающий!"

Найдя, как ей показалось, вполне подходящее местечко, она присела на корточки и позволила себе немного расслабиться. Рядом с ней хрустнула ветка, а в следующий момент ее буквально смело неведомой силой.

Тяжелое мужское тело распластало ее на земле, придавив своим весом. Следы от порки на спине противно заныли, потревоженные грубым обращением. Девушка вскрикнула от боли, но ей тут же закрыли рот, и хриплый мужской голос с яростью прошипел:

– Сбежать надумала?

– Ты что, рассудком повредился?! – возмутилась она, отталкивая его руку. – Куда тут бежать? Лес кругом!

– Тогда зачем из палатки вышла? – Дарвейн отпустил ее и даже отстранился, с интересом разглядывая задранный подол, обнаживший ноги до самых бедер.

– По нужде, – огрызнулась Эсмиль.

Она заметила, как заблестели его глаза, когда взгляд наткнулся на ее ноги. В голове возникла шальная мысль. Почему бы не воспользоваться тем, что этот варвар хочет ее? Конечно, новая внешность не идет ни в какое сравнение с чистокровной амаррской красотой, но даже из этой бледной немочи должен быть хоть какой-то толк!

Мысленно усмехнувшись, она облизала пухлые губы и, будто бы случайно, поддержала подол еще выше, чуть развела бедра, позволяя мужчине на мгновение увидеть то, что было спрятано между ними, и с тихим чувственным стоном прогнулась.

– Тебе больно? – хрипло спросил Дарвейн, не отрывая глаз от ее тела.

– Не могу подняться, – на ее лице появились растерянность и испуг.

Обеспокоенный лэр встал на колени, склонился над ней:

– Держись за меня... – и тут же почувствовал, как тонкие женские руки скользнули вдоль его тела.

Пальцы Эсмиль нащупали голенище его сапога, нырнули внутрь и сомкнулись на рукояти ножа, которым он еще недавно нарезал для нее мясо. Одно движение – и клинок сверкнул в свете луны. Острие уперлось в жилистую шею мужчины.

Дыхание оборвалось. Мужчина и женщина – оба замерли, не спуская друг с друга глаз. Каждый ждал, кто сделает движение первым.

Дарвейн прищурился, изучая лицо своей рабыни, на котором сейчас застыла холодная решимость. Кончик ножа царапал его шею. Рука девушки дрожала от напряжения.

Губы лэра раздвинула тонкая усмешка.

– Развлекаешься, значит, – хрипло шепнул он.

И вдруг, в одно мгновение все изменилось. Эсмиль сама не заметила как, но внезапно жесткая мужская рука сдавила ее запястье, выкручивая до хруста. Ее пальцы разжались, нож упал в темноту, а ее саму отшвырнуло на пару шагов.

Ударившись спиной о корни деревьев, чуть прикрытые опавшей листвой, она замерла, не сводя с мужчины напряженного взгляда.

– Ну... – прохрипела, не желая сдаваться, – должна же и я получить удовольствие.

– Ты его получишь! – буквально прорычал Дарвейн.

Шагнув вперед, он рывком подхватил девушку с земли и впился ей в рот голодным поцелуем. Его язык ворвался в нее с глухой яростью, будто желая наказать. Мужские губы были обветренными и колючими, они причиняли боль, но вместе с этой болью в теле Эсмиль начало подниматься какое-то животное возбуждение. Застонав ему в рот, она ощутила, как он вздернул ее выше, заставляя обнять ногами, и вдавил спиной в твердый столб дерева. Следы на спине тут же отозвались тупой болью, но это лишь придало ее возбуждению особый горько-сладкий оттенок.

Эсмиль даже не заметила, когда мужчина умудрился развязать ворот ее рубашки и спустить ее с плеч вместе с платьем, открывая своему взгляду полную грудь. Два идеальных полупария с маленькими розовыми сосками казались в неверном лунном свете выточенными из алебаstra. Оторвавшись от ее губ, он с тихим рыком накрыл губами затвердевший бутон. Застонав, девушка прогнулась, подставляя грудь под его ласки, и запустила пальцы в жесткую мужскую шевелюру, прижимая к себе его голову.

Это было похоже на безумие. Дарвейн забыл, когда последний раз испытывал такое дикое желание. Женская плоть под ним была мягкой и упругой, ее запах сводил с ума, а тихие стоны лишали рассудка. Его член стал твердым, как древко копья, уперся в плотную кожу штанов и болезненно ныл, желая вырваться на свободу.

Словно услышав немой приказ, Эсмиль запустила руку между их телами. Пальцы нащупали то, что искали, прошлись по всей длине, чуть сжали. Дарвейн издал глухой рык.

– Я хочу тебя, – пробормотал он, лаская ее грудь, – здесь, сейчас.

Девушка и сама была на грани от возбуждения. Ее плоть пульсировала, между бедер все давно было влажным и ждало его. Она вскрикнула, когда его пальцы скользнули в нее. Сначала один, потом второй, растягивая и подготавливая. Большим пальцем он начал выписывать круги вокруг ее набухшего клитора, едва задевая его, заставляя Эсмиль извиваться в своих руках.

– Дарвейн! – простонала она. – Ты мерзавец.

– Нет, крошка, – пробормотал он, ловя ее губы, – я твой хозяин. Повтори это, иначе не получишь сладкого.

Она яростно зарычала и попыталась его оттолкнуть, но он прижал ее еще крепче. Его пальцы скользили в ней, совершая резкие поступательные движения, большой палец дразнил клитор, раз за разом доводя до края и отступая, выматывая ее, как выматывают врага долгой осадой. Губы ласкали чувствительную шею и грудь, заставляя невольно изгибаться. Тягучая тяжелая волна поднималась в ней, готовая смести все на своем пути, но каждый раз отступала.

Эсмиль начала хныкать.

– Я больше не выдержу! Дай мне это!

– Сначала скажи, кто я для тебя.

– Ты грязный вонючий дикарь!

– Ответ неверный.

И снова его пальцы сводят ее с ума, заставляя терять рассудок.

– Так кто я?

– Сын шакала!

– Кто?

– Отродье ехидны!

– Кто?

– Хозяин! Ты мой хозяин! – вскричала она, почти теряя сознание в преддверии апогея, и ее тут же накрыло сильнейшим оргазмом, который она когда-либо испытывала.

– Вот видишь, все не так уж и сложно, – мурлыкнул Дарвейн ей на ухо и ловко развернул, заставив упереться в дерево трясущимися руками.

Словно в забытии, Эсмиль ощутила прохладу, когда мужчина задрал на спину ее юбки. Его палец вновь скользнул в нее, вырывая судорожный всхлип.

Пара мгновений – и вот уже его твердая горячая плоть входит в нее с привычной грубостью. Резкий толчок. В этот раз он заполнил ее как никогда прежде. Она почувствовала, как его бедра на секунду прижались к ней, и услышала сдавленный мужской стон. Обветренные губы скользнули по ее шее, то ли покусывая, то ли целуя, смешивая воедино удовольствие и боль. Мужские пальцы коснулись клитора, заставляя вздрагивать и стонать. Дарвейн держал крепко, не позволяя увернуться от его прикосновений, но это было уже и не нужно. Она сама прижималась к нему, прогибалась и просила, готовая принять все, что он может дать.

Это была не любовь и даже не страсть. Это была жгучая животная похоть. Так самцы в брачный период покрывают самок – дико, грубо, неудержимо. Но почему-то это было именно то, чего ей сейчас хотелось. Эсмиль чувствовала, как мужчина движется в ней резкими сильными толчками, наполняя до отказа, а его член почти упирается в матку при каждом рывке. Она закрыла глаза, представляя, что отдается сейчас не человеку, а дикому зверю. Его пальцы впились в нежную кожу ее бедер, причиняя боль. Девушка уже не могла стонать, она хрипела, остервенело насаживаясь на его плоть. Еще... еще... и еще, пока не взлетела вверх в пароксизме страсти, чтобы тут же, с головокружительной скоростью, рухнуть вниз.

Он вошел в нее последний раз, цедя сквозь зубы грязные ругательства, и, наконец, излился, откинув голову и глухо рыча.

– Теперь ты не такая строптивая, – усмехнувшись, он вышел из ее тела и, как ни в чем не бывало, поправил штаны.

– Мерзавец, – всхлипнула она, разгибая спину. Между ног все ныло, тело колотила мелкая дрожь.

– Нет, – сказал он, легонько щелкая ее по носу, – я твой хозяин.

Затем привел в порядок ее одежду и подхватил на руки. Эсмиль почувствовала себя куклой, которую только что поймали. Ей было больно и гадко, но при мысли о том, как он это сделал, ее вновь накрыла волна возбуждения.

В палатке Дарвейн не слишком любезно сгрузил свою ношу на импровизированное ложе и присел рядом. Протянул руку, отводя с лица девушки растрепавшиеся волосы. Та дернулась и зашипела, будто дикая кошка.

– Ну-ну, вижу, урок не прошел даром, – ухмыльнулся мужчина. Его поза выглядела ослабленной, но глаза внимательно следили за каждым движением Эсмиль. – По крайней мере, ты больше не пытаешься напасть на меня.

– Я просто устала, – фыркнула девушка, принимая независимый вид. – Кстати, ты был весьма неплох, хотя я знавала и лучше.

Данганар криво усмехнулся, затем подался вперед так, что она почувствовала его теплое дыхание на щеке, и хрипло шепнул:

– Не веришь, ты тоже вполне ничего, хотя я знавал и получше.

После этого он резко поднялся и вышел, не произнеся больше ни слова.

Эсмиль осталась сидеть, растерянно глядя, как за ним опускается полог шатра. Она была так поражена его последними словами, что у нее даже не нашлось сил ему возразить. Ее, первую красавицу Амарры, только что унизил и растоптал какой-то неотесанный дикарь, заросший и вонючий, как дикий кабан. Он сказал, что у него были женщины и получше. Она не могла в это поверить.

Глава 7

Солнце стояло почти в зените, когда лес по обе стороны дороги сменился убранными полями, а на горизонте показалась серая громада крепостных стен.

– Керанна, – сказал Дарвейн, заставляя Эсмиль вынырнуть из сладкой дремы, в которой девушка пребывала последние полчаса.

Отбросив смущение, она привалилась спиной к широкой мужской груди, а легкая рысь укачивала, навевая сон.

Открыв глаза, Эсмиль зевнула и огляделась. Все вокруг выглядело серым, невзрачным, таким непохожим на привычные пейзажи Амарры. Там небо всегда оставалось высоким и ясным, солнце не скрывалось за тучами, а роскошная зелень садов радовала взгляд круглый год. Здесь же серые свинцовые облака висели так низко, что, казалось, их можно было достать рукой. Облетевший лес казался похожим на дебри из страшных сказок, а черные поля, покрытые белым налетом изморози, навевали тоску. В Амарре все дороги были выложены бетонными плитами, специально обученные рабы следили за их состоянием и своевременно проводили ремонтные работы. А тут недавно прошедшие дожди размыли дорогу, тысячи копыт и колес перерыли ее, превратив в колдобины и ямы, а ночные заморозки наградили наледью, сделав практически непроходимой.

В Амарре пахло цветами и благовониями. В морозном воздухе Ангрейда витала странная кисловатая вонь.

Эсмиль потянула носом и сморщилась, поплотнее запахивая свой плащ.

– Замерзла? – раздался над головой мужской голос.

Она хмыкнула:

– С каких это пор хозяин переживает о своей никчемной рабыне?

– Язвим, значит, – рука Дарвейна на ее талии напряглась, вздувшись буграми мышц, – видимо, вчерашний урок прошел даром.

Девушка уже приготовилась сказать в ответ что-то ехидное, но не успела: мужчина ухватил ее за волосы и резко дернул, разворачивая лицом к себе. Она вздрогнула. Его лицо было необычайно бледным, челюсти напряжены, а в глазах горело предупреждение. Похоже, это был именно тот случай, когда стоило промолчать.

Дарвейн молча наблюдал, как она проглотила готовое сорваться с языка оскорбление. Потом тихо сказал:

– Умница, – и легко поцеловал ее в лоб.

* * *

Ровно в полдень, как и обещал Дарвейн, маленький отряд приблизился к городским стенам. Оставалось только заплатить пошлину – и можно смело искать ближайший трактир.

Эсмиль прятала нос в складках плаща. Теперь она знала, откуда идет этот тошнотворный запах: прямо под крепостными стенами была вырыта огромная траншея, куда выходили помойные каналы со всего города. Десять тысяч жителей ежедневно сливали туда содержимое ночных горшков и прочие продукты жизнедеятельности. От свежих куч экскрементов поднимался легкий парок, но привычные горожане лишь брезгливо морщились и прикладывали к носам надушенные платочки.

– Это ужасно! – пробормотала Эсмиль, борясь с тошнотой, пока они стояли в очереди к городским воротам.

– Запашок и впрямь забористый, – Дарвейн поморщился. – Ничего, еще пару недель – и ударят морозы. Потом выпадет снег, и вся эта грязь станет лишь воспоминанием до самой весны.

– Я не понимаю, как можно жить в таких условиях? А летом, когда жара? Это же рас-садник холеры!

– Можно подумать, у вас не так, – хмыкнул мужчина.

– Конечно, нет, мы же не варвары, – презрительно бросила Эсмиль. – У нас давно существует система канализаций, отдельная для каждого строения, будь то дворец императрицы или особняк простой горожанки. Частные трубы сводятся в одну, которая проложена под землей и выходит далеко за городом. Да и дороги у нас куда лучше! На них лошади не ломают ноги и не теряют подковы.

– Интересно, откуда у маленькой рабыни такие глубокие познания о строении городской канализации?

– Я очень любознательная, – съязвила девушка.

– Надеюсь, твоя любознательность не будет простирается дальше твоих прямых обязанностей.

– И какие же у меня обязанности?

– Доставлять мне удовольствие. Всеми возможными способами, на которые ты только способна.

Эсмиль не удержалась. Обернувшись всем корпусом к Дарвейну и прогнувшись в спине, она слегка приоткрыла плотно запахнутый ворот, обнажая ложбинку между грудей. Глянула призывно из-под густых ресниц, обвела губы розовым язычком и с придыханием шепнула:

– А вы уверены, что справитесь, мой хозяин?

Лэр иронично выгнул бровь. А его рабыня с секретом! Если бы не знал точно, никогда бы не поверил, что всего пару дней назад он стал ее первым мужчиной. Но, возможно, девушку обучали? Он слышал, что в некоторых местах существуют специальные закрытые пансионы, где юных девственниц обучают искусству любви, а потом продают за бешеные деньги богатым клиентам. Только вот каким образом такая жемчужина могла затесаться в третьесортный трактир?

Сам Дарвейн редко платил за любовь. Вокруг него всегда хватало хорошеньких женщин, готовых на небольшие жертвы ради внимания красавца-данганара. К тому же его почти не возбуждала покорная обреченность рабынь. Но в тот раз...

...Была уже ночь, когда усталые и измученные долгой дорогой, данганары, наконец, достигли, окраины Марлиона – крошечного городка, приткнувшегося в стороне от полузабытого тракта. И первое же строение оказалось трактиром.

Когда на стук никто не открыл, Дарвейн толкнул дубовую дверь и вошел в ободранное помещение с грубо сколоченной мебелью. В нос ударил резкий запах лука. Что ж, ему пришлось ночевать и в худших местах.

А потом он увидел свет, проникавший сквозь неплотно запертую дверь, ведущую в кухню, и решительно шагнул туда.

На мгновение ему показалось, будто он увидел фею: легкую, воздушную, обнаженную фею в ореоле золотистых волос. У нее были прекрасные, идеальной формы груди, будто зовущие к ним прикоснуться, а в невинных глазах застыл такой испуг, что кровь ударила ему в голову, а потом бурным потоком устремилась к паху. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким твердым, как тогда. Это было словно наваждение...

Тогда, в съемной комнате, он повел себя грубо, но его возбуждение оказалось настолько сильным, что он едва не сошел с ума. А потом брал ее только в качестве наказания... Но как

же хороша она будет на шелковых простынях, под бархатным балдахином в его родовом замке. Женщина, при одном взгляде на которую, у него мутится разум и бурлит огонь в крови.

– Сегодня у тебя будет возможность продемонстрировать свои способности, – ровным голосом сказал он и прищипорил коня, приближаясь к городским стражникам.

– Пошлина! Два ледора за человека, один за коня.

Дарвейн кивнул одному из своих спутников. Тот ловко достал из-под полы толстый кошель и быстро отсчитал нужную сумму. Серебряные монеты перекочевали в грязную ладонь стражника.

– Проходите.

За городскими воротами путешественников встретил гул голосов и топот тысячи ног. Такого Эсмиль еще не видела: широкая, мощена камнем улица была плотно застроена домами, чьи верхние этажи нависали над нижними, лишая жителей малейшего проблеска света. С обеих сторон от дороги, почти под стенами домов, шли неглубокие канавы, куда жители выливали помои, не выходя из дома, просто выплескивая из окон. А впереди маячила широкая площадь, по которой с грохотом проносились крытые повозки и груженные товаром телеги.

– Если это называется городом, то я даже не представляю, как выглядит то, что ты назвал дырой, – пораженно пробормотала Эсмиль.

– Сейчас найдем трактир, устроимся, тогда сможешь помыться и привести себя в порядок, – Дарвейн сделал вид, что не услышал ее слов. – В это время здесь бывает ярмарка. Пойдешь, прикупишь себе одежду попримечнее, а то в этих тряпках на тебя смотреть противно.

Девушке и самой давно хотелось помыться и надеть чистую одежду. Ей казалось, что она вся провоняла лошадиным потом и запахом городской помойки, и уже никогда не избавится от этой вони.

– А что такое ярмарка?

– Место, где покупают и продают все, что пожелаешь.

– Базар, значит.

– Странное слово, никогда такого не слышал.

– Так говорят в Амарре.

Почти в ста метрах от городских ворот им встретила первая вывеска: на потемневшей от времени доске было выведено известью всего три слова: "Стол и кров". Молчаливые спутники переглянулись со своим предводителем. Наверняка цены здесь заоблачные, сказывается близость к хлебному месту, но искать что-то еще...

Лэр махнул рукой и направил лошадь к воротам, за которыми будущих постояльцев ожидал слуга.

* * *

Дарвейн заплатил за две комнаты на втором этаже, ясно дав понять, что собирается провести ночь со своей рабыней. Он небрежно швырнул мешок с вещами на лавку и сообщил, что ждёт девушку в общем зале через десять минут. Этого времени, по его мнению, было вполне достаточно, чтобы посетить уборную, смыть с себя пыль дорог и найти, во что переодеться.

Едва за ним закрылась дверь, как Эсмиль в сердцах запустила ему в след ночной горшок, стоявший под кроватью. И лишь когда тот упал на дощатый пол и покатился, дребезжа и подпрыгивая, она с ужасом подумала, что он мог оказаться полным... и отмывать все это безобразие Дарвейн заставил бы ее.

Комната досталась маленькая, но чистенькая, с недавно выбеленными стенами и крепкой мебелью. Единственное окно прикрывали цветастые занавески, бельё на кровати выглядело достаточно чистым, а в углу за шторкой обнаружилась тумбочка, на которой стоял большой

медный таз и кувшин с теплой водой. Рядом лежала стопка полотенец и горшочек с пахучей субстанцией, похожей на прозрачное желе.

Эсмиль запустила туда палец, осторожно зачерпнула неизвестное вещество и принялась. Пахло приятно, кажется, цветами. Она сунула руку в кувшин с водой и увидела, как странное желе превращается в пену. Мыло! Это всего лишь жидкое мыло! Совсем, как в Амарре!

Едва не хохоча от радости, девушка налила в таз воды и с удовольствием смыла грязь со своего лица. Затем намылила одно из полотенец и прошлась влажной тканью по всему телу, начиная от шеи и кончая натертыми стопами.

Эсмиль ещё не видела себя полностью, но ей очень понравилась и ровная кремовая кожа, и упругие мышцы, и грудь, оказавшаяся гораздо полнее, чем прежде. И к тому же, девушка стала на несколько лет моложе, чем была до этого, что тоже не могло не радовать.

Воды оказалось слишком мало для полноценного мытья. Эсмиль пришлось использовать все полотенца, прежде чем она почувствовала себя хоть немного чище, чем до этого.

Наконец, слегка освежившись, она вернулась к кровати и вытрясла на неё все вещи из того мешка, что собрала ей в дорогу Мара. Скривившись от брезгливости, девушка вытащила из кучи тряпья ветхую сорочку и застиранную до дыр коричневую юбку, которую нужно было обернуть вокруг талии, прежде чем завязывать. Сверху на сорочку она надела тёплый стеганный жилет с поеденной молью меховой опушкой. Даже у ее рабов одежда была попроще, видимо, бывший хозяин не слишком ценил эту Лириин, в тело которой она попала. Ещё никогда в жизни ей не приходилось чувствовать себя столь омерзительно, как в этих старых и чужих вещах.

Вспомнились слова Дарвейна о ярмарке. Что ж, она не будет ловить ворон, а воспользуется щедрым предложением и выберет себе наряд, достойный амаррской аристократки. Когда этот грубый варвар увидит её в новом платье, он поймёт, что она не рабыня и не обязана подчиняться его глупым приказам.

С этими мыслями, Эсмиль натянула на ноги старые стоптанные сапоги и вышла из комнаты.

– Ты долго возилась, – заметил Дарвейн недовольным тоном, когда увидел ее. – Я собирался послать за тобой.

Он уже сидел за накрытым столом, который располагался в укромном уголке большого зала. Вместе с ним были и его товарищи, не смевшие приступить к еде без разрешения лэра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.